

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ԱՐԶՈՒՄԱՆՅԱՆ ՀՐԱԶՅԱ ՎԱՂԱՐՇԱԿԻ

**ՔԱՂԱՔԱԳԻՏԱԿԱՆ-ԱՍՏՎԱԾԱԲԱՆԱԿԱՆ ՏԵՂԱՇԱՐԺԻ ՀԱՐԱՑՈՒՅՑԸ ԱԶԳԱՅԻՆ
ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՉԱՐԳԱՅՄԱՆ ՄԵՉ**

**ԻԳ.00.01 "Քաղաքական գիտության պատմություն և տեսություն" մասնագիտությամբ
քաղաքական գիտությունների դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման
ատենախոսության**

ՍԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ – 2020

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРЗУМАНЯН РАЧЬЯ ВАГАРШАКОВИЧ

**ПАРАДИГМА ПОЛИТОЛОГО-ТЕОЛОГИЧЕСКОГО СДВИГА В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук
по специальности 23.00.01 "Теория и история политической науки"

ЕРЕВАН – 2020

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Հայ-ռուսական համալսարանում

Գիտական խորհրդատուներ՝ քաղ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր Ա. Վ. Շեկենկո,
տեխ. գիտ. դոկտոր Ս. Ն. Գրիկյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝ փիլ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր Ա. Ե. Մկրտիչյան,
քաղ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր Ա. Վ. Աթանեսյան,
քաղ. գիտ. դոկտոր, դոցենտ Ա. Ս. Ալեքսանյան

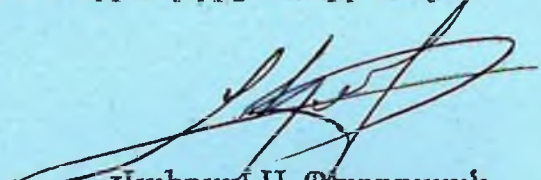
Առաջատար կազմակերպություն՝ Երևանի պետական համալսարան

Ատենախոսության պաշտպանությունը անդի կունենա 2020 թ. հուլիսի 22-ին, ժամը 13:00-ին, ԵՊՀ-ում գործող ՀՀ ԲՈԿ-ի 056 "Քաղաքագիտություն" մասնագիտական խորհրդի նիստում:
Մասնագիտական խորհրդի հասցեն՝ ՀՀ, Երևան 0025, Ալեք Մանուկյան 1:

Ատենախոսությունը կարելի է ծանոթանալ ԵՊՀ Սարգիս և Մարի Իզմիրլյանների անվան գրադարանում:

Սեղմագիրն առաքված է՝ 2020 թ. հունիսի 11-ին

056 մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղար,
պատմ. գիտ. թեկնածու, դոցենտ

Վահրամ Ս. Պետրոսյան

Тема диссертации утверждена в Российско-Армянском университете.

Научные консультанты: доктор пол. наук, профессор А. В. Шевченко,
доктор тех. наук С. Н. Гриняев

Официальные оппоненты: доктор философ. наук, профессор А. Е. Мкртчян,
доктор пол. наук, профессор А. В. Атанесян,
доктор пол. наук, доцент А. С. Алексанян

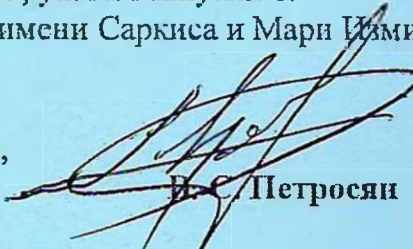
Ведущая организация: Ереванский государственный университет

Защита диссертации состоится 22 июля 2020 г. в 13:00 на заседании действующего в ЕГУ специализированного совета 056 "Политические науки" ВАК РА.

Адрес специализированного совета: РА, Ереван 0025, ул. А. Манукян 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке имени Саркиса и Марии Измирлянов ЕГУ.
Автореферат разослан 11 июня 2020 г.

Ученый секретарь специализированного совета 056,
кандидат ист. наук, доцент

Վ. Ս. Պետրոսյան

Общая характеристика работы

Последние десятилетия характеризуются большинством исследователей как эпоха глубоких и быстрых перемен. В основе происходящих качественных изменений лежат более глубокие процессы, нежели технологические инновации. Изменения затронули мировоззренческие и смыслообразующие паттерны, лежащие в основе формирования, как отдельной личности, так и таких институтов, как семья, государство, мировая политическая система. Справедливость последнего вывода наглядно видна на примере процессов в среде безопасности, когда существующие парадигмы оказались не в состоянии предсказать происходящие на протяжении последних десятилетий сдвиги.

Наблюдаемая несостоятельность имеет глубокую природу и связана с ограничениями эпохи модерна и постмодерна и переходом к пост-секулярной эпохе. Происходит во многом инициированное военно-политическими процессами триумфальное и противоречивое возвращение религиозного в общественную жизнь, мышление и культуру. Как следствие, возвращается в активный оборот политической и военной мысли пласт религиозных и философских знаний, который был подавлен в эпоху модерна и постмодерна. Чтобы справиться с вызовами грядущей эпохи, политическая теория и теория НБ должны вернуть в свой дискурс религию и теологию, вынуждая пойти против ставшей общепринятой интерпретации разделения между секулярным и религиозным и ставя фундаментальные проблемы, касающиеся природы современного политического опыта.

Возникает научная проблема, каким образом религиозное может быть возвращено и вновь проявиться в сфере политического, теории политики и НБ? На каких мировоззренческих, философских и научных позициях, в рамках какой парадигмы должно происходить осмысление происходящих изменений и сдвигов? Нарастающий парадигмальный кризис требует перехода к новой парадигме, категориальное пространство которой должно быть достаточно широким, чтобы охватить большинство наблюдаемых явлений и процессов в среде безопасности и мировой политической системе. В качестве отклика на брошенный вызов интерес представляет синтез сложного мышления, политической теологии, философии и науки сложности, системности и Сети в рамках парадигмы, являющейся развитием парадигмы нелинейности.

Новая парадигма отказывается от раздельного рассмотрения политических и религиозных процессов, учитывая, как линейные и регулярные, так и нелинейные и иррегулярные аспекты среды безопасности и мировой политической системы в их развитии. Категориальное пространство и континуум новой парадигмы оказывается трехмерным и формируется тремя парами понятий: "линейность-нелинейность", "регулярность-иррегулярность" и "секулярность-религиозность". Структурно религиозное возвращается, как в форме институтов традиционных мировых религий, так и иррегулярных религиозных структур. Функционально новая размерность проявляется как один из атрибутов и свойств власти, институтов и акторов, без учета которой становится невозможно понять динамику процессов и поведение акторов и институтов в среде безопасности.

В рамках новой парадигмы происходит не отрицание актуальной реальности, но преодоление разрывов в теории и сознании европейского человека и общества. Новая парадигма призвана справиться с нарастающей сложностью среды безопасности и мировой политической системы, апеллируя к традиционному для человеческого сознания религиозному мировоззрению и философии. Она является откликом на возрастающую сложность мира политики, среды безопасности не только через применение более разработанного понятийно-категориального аналитического аппарата, но также синтез и формирование развивающейся многомерной целостной картины мира, соответствующей духу времени. Разрабатываемые в диссертационной работе парадигма и ее понятийный аппарат, опирающийся на принципы сложного мышления, политической теологии, философии и науки сложности, а также теории, методы и концепции системных наук

и сетцентричности, формируют теоретический и методологический базис, позволяющий обеспечить целостный взгляд и видение мировой политической системы и среды безопасности, что позволяет успешно описать процессы в социальных и военно-политических системах, находящихся в состоянии динамического равновесия и на кромке хаоса.

Динамическое сопряжение сфер политического и религиозного в рамках новой парадигмы выглядит достаточно радикальным, если исходить из традиционного в секулярных обществах взгляда на научное познание и религию. Однако он возможен и реализуем в рамках разрабатываемого в диссертационной работе междисциплинарного целостного подхода, политической теологии, философии и науки сложности. Имеется настоятельная необходимость восстановить разорванную модерном и постмодерном целостность семантической сети паттернов, понятий, смыслов и значений религиозного, философского и политического. Результатом должно стать формирование единого духовного, культурного и интеллектуального контекста грядущей пост-секулярной эпохи.

Объектом исследования выступает теория национальной безопасности, применяемая для исследования качественно изменяющейся среды безопасности.

Предметом исследования являются вызванный качественными изменениями среды безопасности парадигмальный сдвиг, требующий пересмотра взаимоотношений между концептами политического и религиозного и разработки новой парадигмы, являющейся расширением нелинейной, принципы политической теологии, сложного мышления, философии сложности, методология науки сложности, теория сложных адаптивных систем (САС), научно-теоретические модели конфликтов, а также теории и концепции сетцентричных войн в процессах трансформации военной сферы и адаптации системы национальной безопасности.

Целью исследования является развитие положений теории НБ, а также понятийно-категориального аппарата и пространства новой парадигмы для исследования качественно изменяющейся среды безопасности, позволяющее разработать рекомендации по повышению эффективности систем НБ государства.

Для достижения поставленной цели в диссертационной работе решаются следующие **основные научные задачи:**

- исследуются природа, способы познания и взаимоотношения концептов политического и религиозного, а также основные этапы эволюции и развития понятийно-категориального аппарата политической теологии, что позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости парадигмального сдвига и возвращения религиозного в теорию НБ и концептуальный анализ природы власти и государства, а также разработать новую парадигму;
- исследуются основные принципы и методы развития политической теологии, а также ее ограничения, что позволяет показать преемственность и актуальность предлагаемой гипотезы и подхода к анализу природы власти, государства и политических процессов;
- исследуются взаимоотношения между концептами политического и религиозного, что позволяет обосновать необходимость расширения в рамках новой парадигмы и теории НБ концептуального базиса и инструментария, привлекаемых к исследованию природы и способов познания политического и власти;
- обосновываются и исследуются основные принципы формализации политических субъектов и объектов, а также понятийно-категориальный инструментарий и пространство новой парадигмы для развития теории НБ в формирующейся среде безопасности;
- исследуются концептуальные основания сложного мышления и философии сложности сквозь призму различных философских дисциплин и как предмет философской рефлексии социальных и политических процессов, что позволяет сформулировать понятийно-категориальный аппарат и принципы сложного мышления и философии сложности в

- качестве элементов новой парадигмы;
- применяются в рамках новой парадигмы основные принципы сложного мышления и философии сложности, а также ряд законов теории систем к анализу политических процессов, что позволяет обосновать возможность привлечения к рассмотрению сложных систем научно-теоретических моделей и научных результатов, полученных в рамках общей теории систем, а также исследований, проводимых в рамках других гуманитарных и естественно-научных наук;
 - применяются основные принципы и методы теории САС, проводится анализ динамики поведения сложных адаптивных систем к организационной теории, что позволяет обосновать применимость концептуальных оснований новой парадигмы и принципов сложного мышления, философии и науки сложности к анализу данной теории;
 - рассматриваются основные этапы развития линейной и нелинейной парадигм, что позволяет перейти к исследованию процессов глобализации сквозь призму парадигмального сдвига конца 20 века;
 - исследуются сущностные, структурно-функциональные свойства процессов глобализации и вызванные ими изменения в формирующейся среде безопасности, что позволяет обосновать применимость парадигмы нелинейности для описания системы международных отношений и военной сферы;
 - исследуются принципы парадигмы нелинейности применительно к системе международных отношений и военной сфере, что позволяет перейти к рассмотрению континуума войны на основе теории САС;
 - исследуются научно-теоретические модели конфликтов, что позволяет предложить опирающуюся на разрабатываемую парадигму и теорию САС нелинейную модель, способную обеспечить междисциплинарные системные исследования военно-политических процессов;
 - исследуются принципы трансформации военной сферы, что позволяет обосновать необходимость разработки новых теорий и концепций войны в рамках предлагаемой парадигмы;
 - проводится анализ теории и принципов сетецентричной войны (СЦВ), а также концептуального базиса сетецентричных операций (СЦО), что позволяет оценить перспективы данной формы войны в рамках предлагаемой парадигмы и формирующейся среде безопасности.

Теоретико-методологическая база. В диссертационной работе при развитии теории НБ используются междисциплинарные концептуальные основания, понятийно-категориальный аппарат и принципы политической теологии, сложного мышления, философии сложности, науки сложности, научно-теоретические модели системных наук, а также методы теории САС и теории сетецентричных войн. Данный базис уже широко используется в качестве нового семейства методологий изучения отношений власти, политической действительности, системы международных отношений, национальной безопасности и войны. В качестве инструментария получения нового знания в рамках теории НБ, позволяющего проводить исследования процессов функционирования и развития различных объектов и субъектов политического пространства, используются качественные методы исследования природы политического и религиозного, эволюция методологии изучения политической действительности и способы ее познания в рамках политической теологии, философии сложности, науки сложности, теории САС, научно-теоретических моделей конфликта и принципов теории СЦВ. Развитие теории НБ в рамках рассматриваемой теоретико-методологической базы позволяет качественно улучшить синхронизацию элементов национальной мощи государства при формировании отклика на угрозы среды безопасности.

Методы исследования базируются:

- на изучении природы и мировоззренческих аспектов политического, концептуальном анализе природы власти, процесса эволюции и развития понятийно-категориального аппарата политической теологии;
- на понятийно-категориальном аппарате и принципах политической теологии, сложного мышления, философии сложности и науки сложности;
- на концептуальных основаниях парадигмы нелинейности и предлагаемой новой, а также теоретических положениях и принципах системных наук, включая теорию сложных адаптивных систем;
- на научно-теоретических моделях конфликта, принципах трансформации военной сферы, а также теории и концептуальном базисе сетецентричных войн.

Личный вклад в науку и новизна заключается:

- в теоретическом обосновании критической важности взаимоотношений между концептами политического и религиозного в формирующейся среде безопасности, требующей возвращения религиозного в концептуальный анализ природы власти, государства и политических процессов в рамках разрабатываемой новой парадигмы, расширяющей нелинейную;
- в исследовании методологических основ и основных этапов эволюции и развития понятийно-категориального аппарата политической теологии, а также основных положений, принципов, методов и ограничений политической теологии;
- в разработке основных принципов формализации политических субъектов и объектов, а также понятийно-категориального аппарата и пространства новой парадигмы для развития теории НБ в формирующейся среде безопасности;
- в теоретическом обосновании применимости в рамках новой парадигмы понятийно-категориального аппарата, закономерностей, принципов и методологических основ сложного мышления, политической теологии, философии и науки сложности, теории САС, а также теории и концепций сетецентричности к анализу процессов в формирующейся среде безопасности в рамках теории НБ.

Практическая ценность работы состоит:

- в разработке концептуального базиса и понятийно-категориального аппарата новой парадигмы для развития теории НБ в формирующейся среде безопасности;
- в разработке методологического и концептуального базиса философии и науки сложности, а также методов применения данного понятийно-категориального аппарата к разработке теории НБ и исследованию на ее основе формирующейся среды безопасности;
- в обосновании применимости основных положений новой парадигмы к анализу эволюции и развития системы международных отношений, формирующейся среды безопасности, системы НБ государства и военной сферы;
- в разработке опирающейся на новую парадигму нелинейной модели конфликта, а также концептуальных оснований и принципов трансформации военной сферы;
- в оценке перспектив теории и концепций сетецентричных войн и операций, а также влияния, которое они оказывают на формирование системы НБ государства и формирующуюся среду безопасности;
- результаты, полученные в рамках диссертационной работы, используются в работе Совета Безопасности и МИД Республики Арцах, а также в учебном процессе.

Реализация результатов работы.

Работа является результатом исследований, проводимых автором под руководством заведующего кафедрой государственного управления и национальной безопасности Института

права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, действительного члена Академии военных наук РФ, профессора, доктора политических наук Шевченко А. В.

Результаты работы используются в работе Совета Безопасности и МИД Республики Арцах, а также в учебном процессе.

Апробация работы. Основные результаты диссертационной работы докладывались и обсуждались на свыше 40 конференциях и семинарах, в том числе и международных.

Публикации. Основные результаты диссертационной работы отражены в 53 основных публикациях, в том числе 6 монографиях и 4 книгах в соавторстве.

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав и заключения, изложенных на 294 страницах, содержит 14 рисунка, 4 таблицы, 443 наименования библиографии, одно приложение, - всего 351 страница.

В первой главе рассматривается новая парадигма, являющаяся развитием нелинейной, одной из базисных принципов которой должно стать динамическое сопряжение сфер политического и религиозного. Новая парадигма отказывается от отдельного рассмотрения политических и религиозных процессов и принимает во внимание как линейные и регулярные, так и нелинейные и иррегулярные аспекты среды безопасности. Она призвана справиться с нарастающей сложностью формирующейся среды безопасности не только через применение более разработанного понятийно-категориального аппарата, но также синтез и формирование целостной картины в рамках разрабатываемого в диссертационной работе междисциплинарного системного целостного подхода.

1. Взаимоотношения между концептами политическое и религиозное в среде безопасности 21 века, этапы эволюции политической теологии

В рамках данной главы рассматривается гипотеза, что пределы парадигмы нелинейности связаны с ограничениями, которые накладывают на социальные науки эпохи модерна и постмодерна. Выдвигается предположение, что одним из базисных принципов новой парадигмы должно стать возвращение концепта религиозного в качестве самостоятельного центра притяжения и власти в политическом пространстве. Для оценки возможности и правомерности такого подхода проводится исследование результатов, полученных в рамках западных теологических и политических школ, в частности, политической теологии.

Этапы эволюции политической теологии. В самом широком смысле политическую теологию можно определить, как концепцию, рассматривающую все возможные отношения между политикой и религией. Исторически политическая теология была выражением религиозных практик, удовлетворявших потребности государства, и, например, в Древнем Риме она занимала почетное место. Формулировка Христианством трансцендентной цели человеческого спасения сказалась на весе политической теологии в средние века. Проблема места и роли религии в обществе стала актуальной в эпохи Ренессанса и Просвещения, когда христианство, по мнению многих, оказалось ответственным за разрушительные последствия религиозных войн 17 века.

Интерес к политической теологии в 20 веке был возрожден Карлом Шмиттом. Понятая как социология понятий, она является центром теоретического проекта, который развивается во всех его работах. Однако только две из них посвящены непосредственно политической теологии: "Политическая теология" и "Политическая теология II". Главным оппонентом Шмитта стал Эрик Петерсон, публикации которого 1931 и 1935 годов обеспечили базис для отрицания политической теологии. В начале семидесятых, группа ученых, сочувствующих Петерсону, изучила

его критику и пришла к выводу, что она в большей степени была обусловлена борьбой против Гитлера по созданию общей доктрины, объединяющей христианство и нацизм.

Интерес представляет классификация "политической теологии в пределах христианской религии", предложенная Эрнст-Вольфгангом Бекенфердом, разделивший ее на три типа.

1. *Юридическая политическая теология*, наиболее полно представленная Карлом Шмиттом. В фокусе данной формы находится не теология, а социология понятий и проблема формирования понятий и идей в контексте истории.

2. *Институциональная политическая теология* является "сущностью веры в Бога в форме утверждений о статусе, легитимизации, цели и структуре политического порядка, включая связь, отношение этого порядка с религией". В истории институциональной политической теологии ее главными носителями можно назвать Блаженного Августина, Фому Аквинского, Мартина Лютера, Томаса Гоббса, Гегеля.

3. *Апеллятивная (appellative) политическая теология* близко связана с институциональной и основывается на "интерпретации христианского откровения". Точкой соприкосновения институциональной и апеллятивной политической теологии выступает вера, в отличие от основывающейся на науке юридической теологии.

Хотя вопрос политической теологии в 20 веке главным образом поднимается в контексте работ Шмитта, проблема связи между религией и политикой также шла вне полемики с Шмиттом. С конца шестидесятых годов появился корпус текстов, в котором термин использовался для описания способов связи теологии с политической жизнью. Ключевой фигурой новой политической теологии стал Иоганн Баптист Мец. Мец был поддержан Юргеном Мольтманом, теология надежды которого была созвучна его идеям. После окончания Холодной войны наблюдается возрождение интереса к работам Шмитта, что вызвало некоторое замешательство на Западе. По мнению ряда исследователей, рост связан со становлением режима глобального права и нового мирового порядка, которые угрожают традиционной идее суверенитета, ведущим теоретиком которого является Шмитт.

2. Исследование категориально-понятийного аппарата политической теологии

Лейтмотивом данного раздела может служить цитата, которая вошла в канон политической теории: "Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия". Основные тезисы Шмитта можно представить следующими гипотезами-утверждениями.

1. Все существенные понятия современной теории государства секуляризуют теологические понятия.
2. Чтобы понять изменения в политике и праве, необходим новый, социологический подход (социология понятий - политическая теология).
3. Общественное устройство аналогично его метафизической картине мира.

Первое утверждение имеет синхронический и диахронический аспекты. С одной стороны, оно подразумевает историческое развитие понятий (генеалогию), с другой - аналогию и подобие структур понятий (архитектуру) в обеих областях. Примером подобия может служить понятие "исключительного случая" в правовой системе, которое аналогично чуду в теологии.

Раскрывая второе утверждение, Шмитт начинает с описания того, от чего социология понятий отличается. Во-первых, она отличается от материализма и идеализма, которые делают одну и ту же ошибку, предполагая возможность редуцирования одной из сфер в другую. Во-вторых, социология понятий отличается от социологии (социологического метода) Макса Вебера, которую Шмитт рассматривает как психологию. Ключевой проблемой при этом становится место и роль причинности. Социология понятий отклоняет сам принцип причинности для объяснения социальной реальности.

Третья утверждение является уже не отрицающим, но конструктивным. Цель социологии понятий в том, чтобы найти систематическую структуру (архитектуру) юридических поня-

тий, которые могли быть связаны аналогией с социальной структурой эпохи и ее концептуальными изменениями. Социология понятий прослеживает эволюцию понятий, помещая их в контекст изменений, происходящих в метафизическом образе мира.

Ниже даются наиболее важные аспекты для данной диссертационной работы аспекты политической теологии Шмита.

Исключительный случай. Для Шмитта политические концепции и структурно, и концептуально подобны теологическим системам. Размывание идеи Бога в метафизическом образе действительности привело к тому, что политические системы стали склоняться к демократической форме организации политики и государства и уже другой форме суверенитета. Следствием стала проблематичность точной локализации местонахождения суверена и неспособность принимать решения в условиях исключительного случая. Шмитт определяет исключительный случай, как "случай крайней необходимости, угрозы", когда речь идет об экзистенциальной угрозе государству.

Дихотомия "друг-враг". Критический анализ либерализма Шмитт проводит на основе дихотомии "друг-враг". По Шмитту мир, в котором уже нет войны, потерял бы различие "враг-друг", став "миром без политики". Понятия политической дихотомии "друг-враг", носителя исключительного случая, чрезвычайного положения и политической теологии оказываются тесно взаимосвязанными.

Право справедливости, суверенная власть и решение. Понятие исключительного случая можно применить и к угрозам меньшего масштаба, рассматривая отношения между законом и чрезвычайным положением, судьей и сувереном. Тогда справедливость (помилование) оказывается воплощением идеи возможности исключений в правовой системе. Складывается парадокс, когда справедливость закона и суда требует присутствия исключительного случая (помилования), который, хотя разворачивается в рамках закона, находится вне нормы.

Суверенной является власть, которая не просто идентифицирует наличие исключительного случая, но в состоянии принимать решение и действовать в данных условиях. Она требует наличия воли, а не разума. Волевой акт опирается только на самого себя и не апеллирует к чему-либо внешнему. Общественная жизнь и опыт, включая и политику, не могут быть сведены исключительно к правовой системе. Справедливость и революция, будучи "по ту сторону" закона, не исключают право и могут ссылаться на закон, но, тем не менее, отражают реальность, в которой невозможно его применить. Исключительный случай нуждается в ссылке на норму, без которой он становится хаосом и анархией. Нарушая норму, он должен подтверждать и одобрять ее. Концепция суверена, оперируя в условиях исключительного случая, подтверждает норму. Только неслучайный и обдуманый акт, - осмысленный выбор, - в состоянии выдержать тяжесть одновременного одобрения и отрицания права.

Социология или социология понятий? Традиционный социологический подход к праву исследует причинные отношения между формами юридической мысли, институтами и интересами определенных групп людей. Основным аргументом Шмитта касательно социологии связан с адекватностью причинности только в одном направлении. Такой подход лишает человека свободы выбора, превращая в интеллектуального заключенного причинных факторов, независимо материальных или идейных. Глубинная проблема причинности связана не с ее направлением, но стремлением исключить из рассмотрения решение, опирающееся на акт свободной воли. Причинность не учитывает исключительный случай, в рамках которого проявляется свобода воли. Однако если возникновение и развитие идей не может быть объяснено в рамках причинной обусловленности традиционного социологического анализа, откуда они берутся? Шмитт дает простой ответ: идеи проистекают из других идей, как свободный отклик на суждение.

Генеалогия и интерпретация. Рождаясь, идеи и понятия приносят с собой остаточное влияние прежних значений и смыслов, носителями которых они становятся не сами по себе, но через взаимоотношения, включая интерпретацию, с системой мышления и практикой общества, в рамках которого они развивались. Шмитт рассматривает в качестве примера генеалогического

исследования и эволюции идей понятие суверенитета. Суверенитет оказывается связанным семантической сетью значений и смыслов с теологией и сферой религиозного в целом. В центре сети оказывается образ суверена, связанный с Богом и отражающий мистику сакрального монарха западной политической истории. Генеалогический аспект политико-теологического исследования позволяет обнаружить реликты веры в современных политических концепциях и практике.

Архитектура и аналогия. Как уже говорилось выше, по мнению Шмитта идеи приходят от других идей. Оперирование понятиями и идеями происходит через выстраивание аналогий, метафор (архитектуры) и вне причинной или дедуктивной необходимости. Аналогии создаются в свободном акте мысли и опираются на убеждения, а вера является скорее продуктом риторики и нарратива, нежели логики и доказательства. Как философия, так и политика являются формами риторики свободных субъектов, однако невозможно говорить о свободе вне некоторого нарратива. Свобода оказывается в зависимости от памяти и истории.

Таким образом, политическая теология разворачивается в рамках нарратива, использующего методы генеалогии и аналогии. Помещение аналогии в центр философии и политики, а решения - в центр аналогии означает рассматривать данную активность как практику свободы, за которую философ или политик несут ответственность. Как политик, так и философ всегда находятся на кромке возможных для общества смыслов и значений, которые оно будет в состоянии воспринять и включить в свой нарратив. Задача философа и политика сводится не к объяснению наблюдаемого общественного опыта, но убеждению общества в истинности предлагаемой модели мира.

3. Критика политической теологии Карла Шмитта

Взгляд Карла Шмитта на отношения между религиозным и политическим в средние века, по мнению ряда исследователей, оказываются чересчур узкими. Отказ Шмитта рассматривать до-реформационный опыт не позволил ему серьезно отнестись к теологическому пониманию политики, когда существенную роль начинает играть различие между "теологией политики" и "политической теологией". Теология политики в средние века, проистекала из сети понятий и идей, которые развивались в рамках, как естественной (натуральной), так и основанной на Откровении (богооткровенной) теологии. Политическая теология Шмитта, развиваемая на основе пост-реформационного периода может быть охарактеризована как "естественная" политическая теология, из которой были удалены элементы, имеющие прямую богооткровенную природу. Такую теологию можно определить, как "вновь обращенную в язычество" (re-paganized).

Политическая теология и современные политические теории. Дискуссия вокруг перспектив политической теологии требует кардинального пересмотра отношения к политической теории. Чтобы справиться с вызовами 21 века, она должна вернуть в дискурс вокруг политики религию и философию. Политическая теология возвращает в политическую теорию такие идеи и понятия как вера, жертва, сакральное, которые обычно исключаются из политического дискурса.

Политическая теология Шмитта, как форма исследования, начинается там, где кончается право. Означает ли это, что мир, основанный только на праве, является миром без суверенитета? Большинство политических теорий глобализации считают, что в новых условиях понятие суверенитета является анахронизмом. Однако государства, апеллирующие к суверенитету и признающие важность религиозной жизни, не могут согласиться с таким подходом.

Вероятно, самым известным в истории политической теории предложение является: "Суверен тот, что принимает решение о чрезвычайном положении". Будучи точкой вхождения в политическую теологию Шмитта, оно противостоит политической теории либерализма. Не закон, но исключительный случай, не правосудие, но суверен, не рациональность, но воля и решение. Это позволяет некоторым исследователям говорить о политической теологии Шмитта, как диалектическом отрицании либеральной теории.

Карл Шмитт и политические теории постмодерна. Политическая теология предлагает взгляд, в рамках которого связи между метафизикой и политической теорией оказываются взаимными. Однако такой подход становится невозможным, как только принимается точка зрения, что у метафизики нет какого-либо нормативного характера. В безбожном мире (постмодерна), в котором отсутствуют какие-либо нормативные значения и смыслы, объективная реальность не содержит знаний, помогающих понять и упорядочить сферу политического. Мир в эпоху глобализации оказывается идейно несвязанным, но способным существовать в условиях отсутствия единого центра. Алогичность можно наблюдать и в большей части современной западной политической философии, когда философы, подойдя к необходимости выдвинуть теорию, обосновывающую политические идеи в метафизике, - останавливаются. В большинстве случаев они не чувствуют, что должны ответить на вопрос существования Бога прежде, чем смогут высказаться о природе политического.

Теологический элемент политики не есть вотчина теоретиков. Говоря о более ранней эпохе, Шмитт пишет, что вера в королей появляется прежде, чем рождается теория права, апеллирующая и использующая концепцию помазанника Божьего. Метафизика эпохи всегда является "самой самоочевидной" истиной. Реальная работа политической теологии, таким образом, заключается в разработке теоретической формы понимания, которое уже присутствует в обществе как очевидная истина.

Либеральная политическая теория в состоянии выразить теоретическое содержание текущей эпохи, однако она терпит неудачу как политическая практика и опыт, источник смыслов и значений для подавляющего большинства обществ на постсоветском пространстве. Обращение к политической практике как к культуре, а не нормативной теории, требует апелляции к генеалогии и архитектуре сетей значений и смыслов, поддерживаемых ею. Причем исторически такие сети зиждутся на вере и сфере религиозного. Развернуть такое исследование означает обратиться к политической теологии.

Проблема взаимоотношений между концептами политическое и религиозное. "Политическая теология" Карла Шмитта вызывает серьезные проблемы у современного читателя. В частности, она вынуждает пойти против общепринятой интерпретации разделения между секулярным и теологическим. Марк Лилла называет его "великим разделением" и помещает в основу не только современного мышления, но и государства. Однако современный дискурс вокруг политической теологии разворачивается, скорее, вокруг утверждения, что государство не является секулярным явлением, каковым оно представляется. Проблема не в том, что разрыв должен быть преодолен, но, что разрыва, как такового, не было. Пространство между теологическим и политическим является связным и непрерывным. Тем самым политическая теология бросает вызов не только архитектуре правовых и государственных институтов, но базисным понятиям, смыслам и образам эпохи модерна и постмодерна, характеру взаимоотношений между личностью и государством.

Центры власти в средние века. Необходимость нескольких центров власти. Ограничения политической теологии Шмитта являются следствием пренебрежения существенными библейскими идеями и смыслами, которые на протяжении тысячелетий оказывали влияние на взаимоотношения религиозного и политического в Западной Европе. В частности, можно говорить об искажениях в понимании исключительного случая. Для всего периода средних веков лицо, принимающее решение в условиях исключительного случая, являлось не только субъектом, но и объектом более глубокого противоборства между папской и имперской властями.

Идея возможности других носителей исключительного случая зародилась и стала набирать силу после абсолютизации государства в качестве светского центра власти. Протестантская Реформация стала переломным моментом и привела к подчинению католической церкви государству в вопросах светской власти. Для протестантских церквей, фактически ставших департаментами государства, ситуация выглядела намного хуже. В исторический период, рассматриваемый Шмиттом, теология имела политические цели, политика - теологические, а политическая теология превратилась в нечеткую и непостоянную, - хаотическую, - комбинацию

обоих.

В 20 веке авторитарные и тоталитарные идеологии и государства политизировали все стороны общественной жизни, поглощая или уничтожая прочие, даже потенциальные, центры власти. В 21 веке государство по-прежнему стремится проникнуть во все сферы и страты общественной жизни. При отсутствии альтернативного центра власти, каковой была церковь в средние века, вся общественная жизнь имеет тенденцию вращаться вокруг неоспоримой власти государства, вне зависимости от того, является ли она принуждающей или нет.

4. Разработка основных принципов новой парадигмы

Понятийно-категориальный аппарат новой парадигмы. Возрастающая сложность современного общества, процессы глобализации и появление Сети становятся движущей силой парадигмального сдвига, который разворачивается не только в рамках размерности, задаваемой парами понятий "линейность-нелинейность", но также "регулярность-иррегулярность" и "секулярность-религиозность". Таким образом, можно говорить о трехмерном категориальном пространстве (континууме), (Рис. 1) и соответствующей и классификационной системе.

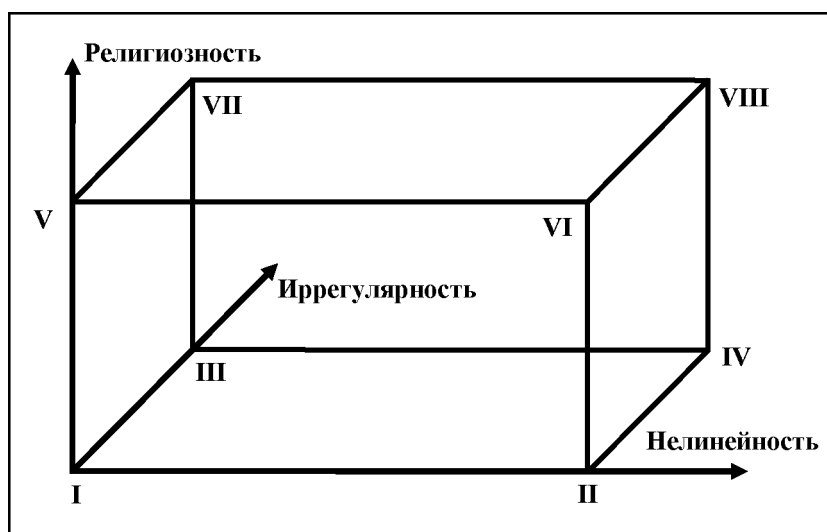

Рис. 1. Трехмерное категориальное пространство новой парадигмы

Узловые точки (вершины) классификационной системы новой парадигмы могут быть описаны следующим образом: I. линейность, регулярность, секулярность; II. нелинейность, регулярность, секулярность; III. линейность, иррегулярность, секулярность; IV. нелинейность, иррегулярность, секулярность; V. линейность, регулярность, религиозность; VI. нелинейность, регулярность, религиозность; VII. линейность, иррегулярность, религиозность; и VIII. нелинейность, иррегулярность, религиозность.

Парадигмальный сдвиг и вызовы новой парадигмы. Новая парадигма призвана справиться с нарастающей сложностью среды безопасности не только через применение более разработанного понятийно-категориального аналитического аппарата, но также синтез. Она стремится преодолеть последствия великого разрыва и восстановить целостность сознания европейского человека, вернув в активный оборот политической мысли пласт религиозных и философских знаний, подавленный в предыдущие эпохи. Возвращение религиозного рядом исследователей интерпретируется как преодоление ограничений постмодерна "новым средневековьем". При этом использование принципов философии и науки сложности, теорий и методов системных наук позволяет обеспечить целостный взгляд, когда секулярный подход оказывается одной из возможных проекций сложной социально-экономической, военно-политической и религиозной реальности, каковой является мировая политическая система в 21 веке.

Во второй главе даются философские обоснования сложного мышления и науки сложности, рассматриваются основные принципы и законы теории систем, применяемые в науке сложности, а также взгляд на социальные системы сквозь призму теории сложных адаптивных систем.

1. Философские обоснования сложного мышления и наука сложности

Сложное мышление, философское и научное знание. Несмотря на то, что философия вездесуща и во многом определяет выводы, которые будут сделаны, порой довольно сложно разглядеть ее присутствие в исследованиях естественной или социальной реальности. Философы зачастую характеризуют доминирующее мировоззрение лиц, профессионально не занимающихся философией, как наивный реализм или реализм здравого смысла. Одним из негативных следствий реализма здравого смысла, даже усиленного мощью научного метода, является самоуверенность и вывод, что объектом научного познания может стать вся объективная реальность. Тем не менее, наука не в состоянии рассматривать все объекты и явления и достаточно жестка в своих ограничениях. Одним из принципиальных требований можно считать требование устойчивости объекта исследований, когда границы, отделяющие его от среды устойчивы, что позволяет проводить научные исследования, получать и уточнять знания об объекте. Однако в случае сложных явлений, например, социальной реальности и сложных систем, говорить об устойчивости и наличии хорошо определяемых границ не приходится.

Проблема границ и несжимаемость сложных систем. Рассмотрение пространственно-временной эволюции сложной системы показывает, что выделяемые в ней элементы в состоянии развиваться, изменяя свои границы. Сложное мышление исходит из того, что говорить о постоянных и четких границах сложных систем не представляется возможным. Тем не менее, наука сложности имеет убедительные аргументы в пользу того, что в сложных системах имеются относительно устойчивые структуры и элементы, которые могут рассматриваться с приемлемой степенью точности как существующие и имеющие границы. Более того, можно говорить о некоем распределении пространственно-временной устойчивости границ системы и континууме устойчивости. Рассматривая сложные системы, Пол Силлиерс вводит понятие несжимаемости сложных систем: "... не имеется точного (или точнее совершенного) представления системы, которое было бы проще, чем сама система". Следствием несжимаемости становится вывод, что лучшим представлением сложной системы является только сама система. Идея несжимаемости позволяет выносить суждения о границах познаваемости сложной системы и применимости той или иной теории, что уже следует расценивать как позитивное знание.

Сложность и плюрализм. Следствием несжимаемости сложных систем становится плюралистическая позиция и плюрализм, когда оказывается обреченными попытки создания объединенной универсальной теории сложности. Плюрализм приводит к тому, что становится невозможным проводить сравнение различных представлений и проекций сложной системы, так как отсутствует общий базис и метрика, на основе которой оно проводилось бы. В рамках плюралистической позиции можно выделить три взаимосвязанные школы: нео-редукционистов, метафористов и критических плюралистов. Данное разделение достаточно условно, однако оно оказывается полезным для понимания природы сложности.

Нео-редукционистская школа стремится раскрыть общие принципы сложных систем, продолжая усилия, которые предпринимаются в рамках построения общей теории систем, и опираясь на "обольстительный силлогизм", который был опровергнут.

Предпосылка 1. Имеется простое множество математических правил, которые будучи реализованы на компьютере, приводят к чрезвычайно усложненным паттернам.

Предпосылка 2. Мир также содержит множество чрезвычайно усложненных паттернов.

Вывод. В основе многих чрезвычайно усложненных феноменов в мире лежат простые правила, и ученые могут открыть их.

Согласно метафорической школе, наука сложности позволяет получить важные проекции социальных систем, когда ее язык и понятия используются в качестве метафоры. Такие понятия, как кромка хаоса, эмергенция, коэволюция помогают теоретикам и практикам "разглядеть" врожденную сложность социальных систем. Понимание метафоричной природы науки не преследует цель "уравнять" ее с другими метафорами, но позволяет понять и оценить как ее силу, так и слабость. Метафоры могут рассматриваться как "игра" в академических кругах, позволяющая расширить горизонты познания.

Рассмотренные выше школы могут рассматриваться как крайние точки континуума, в котором развиваются философия сложности и должны быть дополнены "средним путем", который пытался бы найти баланс, опирающийся на результаты обеих школ. Задача, которую намерена решить школа критического плюрализма. Школа критического плюрализма подчеркивает важность критической рефлексии относительно представлений и проекций, на основе которых разворачивается процесс познания, узаконивая различные методы познания и препятствуя получению какому-либо из них качественного преимущества.

Плюрализм и эволюционная философия. Сказанное выше подводит к выводу, что сложное мышление оправдывает и легитимирует онтологический плюрализм и равноправие методов познания. В широкий базис сложного мышления и науки сложности включаются различные дискурсы, что позволяет выбрать наиболее адекватный для исследования конкретной сложной системы. При этом вопрос когерентности и согласованности базиса изначально снимается, что позволяет говорить об "эволюционной философии", в рамках которой различные подходы и способы познания оказываются в "конкурентной борьбе" за наиболее адекватное представление и объяснение изучаемого объекта или системы.

Принципы сложного мышления. Предположение, что как объективная, так и социальная реальность могут быть описаны в рамках сложного мышления и науки сложности приводит к плюрализму, как философской позиции. При этом становится возможным сформулировать ряд положений и принципов сложного мышления, касающихся: объекта исследования и его границ; взаимоотношений между объектом и его контекстом; и взаимоотношений между исследователем и проекциями (инструментарием), при помощи которого проводится исследование.

Плюралистическая позиция приводит к тому, что отсутствует возможность каких-либо окончательных суждений о распределении границ объекта, системы. Проблема границ окончательно выходит из-под контроля, когда начинает рассматриваться, например, социальная реальность и такие системы, как общество. *Сложное мышление делает проблематичными распознавание и распределение границ.*

Принцип несжимаемости науки сложности приводит к отрицанию адекватности дефинитивной аналитической философии при рассмотрении сложных феноменов и необходимости новой, в основу которой должны лечь многообразие, открытость и креативность. *Сложное мышление узаконивает плюралистическое мышление.*

Сложное мышление призывает видеть в используемом инструментарии, в первую очередь, способы стимулирования мышления, а не жесткие конструкции и методы, ведущие к абсолютной истине. *Сложное мышление рассматривает используемые проекции, парадигмы, теории, скорее, как источник вдохновения, а не контейнеры истины.*

2. Социальные системы сквозь призму теории сложных адаптивных систем

Теория сложных адаптивных систем. На сегодняшний день существует множество определений сложности и сложных систем. Тем не менее, принято говорить о сложных системах, как самоорганизующихся и адаптивных. Начало нового этапа в развитии исследований сложности и нелинейности связывается с созданием в США института Санта Фе, остановившего свой выбор на термине "сложные адаптивные системы". Теория САС рассматривает системы в качестве нейроподобных взаимодействующих сетей агентов, которые в состоянии адаптироваться под воздействием внутренней и внешней среды через изменение структуры и функций своих элементов (самоорганизацию). Поведение САС может быть объяснено в рамках динамики сетевого

поведения. При этом САС может оказаться в состоянии, далеком от равновесия, в котором она балансирует на кромке хаоса.

Одним важнейших характеристик САС является многообразие состояний и поведения, которое она в состоянии демонстрировать. В ряде случаев САС может вести себя как полностью детерминированная (механическая), в других - как стохастическая (термодинамическая) система, для описания поведения которой оказываются применимы хорошо разработанные методы анализа. Однако на определенной стадии своего развития САС демонстрирует сложное поведение. Это делает необходимым ввести понятие нескольких состояний (стадий) САС, когда сложное поведение демонстрируется только на одной, - сложной стадии или регионе сложности. По аналогии с тремя состояниями материи, - твердое, газообразное и жидкое, - САС может находиться в простом, усложненном и сложном состоянии.

Базовые атрибуты и динамика САС. САС могут быть описаны на основе семи базовых атрибутов, четыре из которых относятся к свойствам, - агрегатность, нелинейность, поточность и многообразие, а три к механизмам, - тегирование, внутренние модели и строительные блоки. Базовые атрибуты позволяют получить представление об "игроках" и "игровом поле", на котором разворачивается динамика САС.

Концевые зоны. Согласно трем состояниям сложных систем, на "игровом поле" можно выделить две концевые зоны, - глубокого равновесия и хаоса. В концевой зоне глубокого равновесия САС до такой степени стабильна, что может рассматриваться в качестве простой (механической) системы. В концевой зоне хаоса ситуация прямо противоположная. Нелинейная динамика и турбулентность САС достигают таких значений, что предсказание поведения отдельных элементов и структур становится невозможным. Это стохастическая и даже случайная система, которая, в лучшем случае, подчиняется статистическим законам.

Игровое поле. Участок игрового поля САС, на котором она демонстрирует сложное поведение (регион сложности), располагается между двумя концевыми зонами. Игровое поле маркируется точками бифуркации, чаще всего от 1 до 4, в которых происходит разветвление системной траектории, когда у САС появляется возможность выбора между двумя альтернативными маршрутами развития (движения) и сценариями своего будущего. Первая точка бифуркации, в которой генерируется две альтернативы, находится на границе между зонами глубокого равновесия и сложности - это край устойчивого равновесия. Затем идет вторая точка бифуркации, которая генерирует уже четыре альтернативы, затем третья с восемью возможными сценариями будущего. Смысл "игры" сводится к тому, чтобы обходить концевые зоны, придерживаясь практики челночного движения вперед-назад внутри границ региона сложности. Теория САС говорит, что развитие системы происходит наиболее успешно в окрестности четвертой точки бифуркации, на кромке хаоса, когда под давлением нарастающей турбулентности среды ускоряются системные процессы.

В третьей главе рассматриваются основные этапы становления линейной и нелинейной парадигм, а также применимость парадигмы нелинейности для описания процессов глобализации и среды безопасности, системы международных отношений и военной сферы.

1. Основные этапы развития линейной и нелинейной парадигм

Философская и политическая мысль Запада достаточно давно поняла необходимость осмысления факта кардинальных изменений, периодически происходящих в западном обществе и описываемых Томасом Куном в терминах становления и развития доминантных парадигм и парадигмального сдвига. До последнего времени доминантной являлась ньютоновская или линейная парадигма. Свойства линейности включают пропорциональность, аддитивность, масштабируемость, редуционизм. Ограниченность линейной парадигмы была осознана во второй половине 20 века. Под нелинейной парадигмой подразумевается систематизация природных, общественных явлений и процессов в качестве нелинейного феномена. Нелинейные системы

демонстрируют отсутствие пропорциональности и аддитивности. Невозможность абстрагирования от взаимодействий не позволяет применить методы линейного редукционизма, когда целое оказывается больше, нежели сумма составляющих его частей, количественно неэквивалентно своим частями и даже качественно не распознаваемо в составляющих компонентах.

2. Процессы глобализации и изменение среды безопасности

Глубина процессов глобализации не позволяет относиться к ним, как только технологическим или экономическим феноменам. Глобализация включает в себя также социальный и политический аспекты, трансформирующие, как социальную и политическую структуры общества, так и отдельную личность. Ряд симптомов говорят, что процессы глобализации выходят из-под контроля общества и явно превышают способность государства контролировать или направлять их. Глобализация обладает собственной логикой и черпает силы в самом обществе, технологиях, создавая новую реальность, с которой приходится считаться традиционным элементам власти.

Информационное пространство и среда безопасности 21 века. В свое время Альфред Мэхэн определил открытое море, обеспечивающее международную торговлю и коммуникации, как "общее пространство". Народы и государства стремились получить или улучшить выход к морю, так как именно данный фактор являлся основой конкурентоспособности, создавал необходимые предпосылки для получения регионального или глобального преимущества. В 21 веке сформировалось информационное пространство, стремящееся взять на себя частично функции, на протяжении веков принадлежавшие морю. Новое "общее пространство" включает домены информации и когниции, опирается на медийную и финансовую сферы. Информационное пространство прочно заняло место в списке базовых элементов национальной мощи, влияя на позиции страны в мировой властной иерархии. Новое общее пространство имеет и важные отличия. В первую очередь, это касается стоимости доступа, который оказывается несравненно ниже, чем у моря. Неотъемлемой частью новой среды является человеческая личность, привносящая с собой креативность и культурную составляющую. Появление информационного пространства, меняющего условия конкуренции и борьбы, не может не сказаться на политической сфере, с которой она имеет схожие черты. Оно не отменяет борьбы в традиционных сферах, но влияет на ее эффективность и, следовательно, условия достижения политической победы.

3. Сложное мышление в системе международных отношений. Нелинейная природа войны

Парадигма нелинейности в системе международных отношений. Элементы парадигмы нелинейности прочно вошли в современные теории НБ, что вынуждает политиков и государственных деятелей учиться работать с новой терминологией и понятиями. Одним из исследователей, применивший понятийный аппарат сложного мышления и парадигмы нелинейности к изучению системы международных отношений, является Роберт Джервис. Он достаточно убедительно показывает, что рассмотрение системы международных отношений в качестве САС требует принятия во внимание не только поведения акторов, но и взаимодействия между ними и средой, и идентифицирует три типа взаимодействий, которые могут приводить к непредсказуемому поведению системы.

Первый тип взаимодействий: результаты не могут быть предсказаны из отдельных действий. Достаточно часто можно встретиться с ситуацией, когда каждое из действий, осуществленное по отдельности, не приводит к каким-либо негативным последствиям, однако их совместное применение оказывает разрушительное воздействие на систему.

Второй тип взаимодействий: стратегии зависят от стратегий других. Дальнейшее усложнение системы и связанное с ним возрастание непредсказуемости является следствием взаимодействия стратегий акторов. Каждый из акторов строит модели стратегии и поведения про-

тивоположной стороны, опираясь на которые он выстраивает уже собственные. Ошибочное понимание стратегии соперника приводит к неожиданному, и, следовательно, непредсказуемому развитию событий.

Третий тип взаимодействий: поведение меняет среду. При рассмотрении поведения системы необходимо учитывать среду. Следствием взаимодействия акторов может стать изменение среды с непредсказуемыми последствиями. В этих условиях наиболее адекватной моделью для описания системы становятся процессы эволюции и коэволюции.

Взгляд на мировую политическую систему сквозь призму парадигмы нелинейности позволяет определить границы, в рамках которых возможно теоретизирование. Политическая наука ввела понятия "кризисной нестабильности", для описания состояния предельной чувствительности системы к возмущениям, и "кризисной стабильности", - для состояния относительной устойчивости. В мире кризисной нестабильности цели политиков и государственных деятелей приобретают пластичность, становясь не такими очевидными. Новому поколению политиков надо быть готовым к работе в условиях постоянных изменений, когда само политическое пространство оказывается эластичным и может менять свою конфигурацию, как результат усилий, воли и поведения акторов, участвующих в политических процессах.

Парадигма нелинейности в военной сфере. Согласно парадигме нелинейности политика и война - сложные нелинейные явления, взаимоотношения между которыми разворачиваются, как через иерархическую субординацию, так и многочисленные обратные связи. Политика непосредственно вовлечена в войну, когда при рассмотрении той или иной военной кампании невозможно абстрагироваться от политического контекста. В свою очередь, ход военной кампании воздействует на политический контекст, вынуждая политиков изменять ряд факторов и параметров или даже преследуемые цели.

Клаузевиц как символ нелинейности в военной сфере. Развитие нелинейного взгляда на войну на Западе тесно связано с именем Клаузевица. Пытаясь понять природу войны, Клаузевиц приходит к выводу, что она, по своей сути, является непредсказуемым явлением. Сложность изучаемого явления приводит к тому, что в книге "О войне" Клаузевиц дает не одно, а три все более усложняющихся определения войны.

Первое определение говорит, что "война есть не что иное, как расширенное единоборство... это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю". Так как обе стороны имеют одни и те же намерения, война есть не что иное как "взаимодействие". Интерактивная природа войны приводит к тому, что она оказывается управляемой и направляемой волей, психическими и духовными силами противоборствующих сторон. Война, не чередующаяся во времени упорядоченная последовательность намерений и действий, но пространство, формируемое непрерывным взаимодействием и одновременными действиями сторон.

Необходимость рассмотрения политического контекста приводит Клаузевица ко второму, наиболее известному, определению, что "война есть продолжение политики, только иными средствами". Пытаясь схватить непрерывно меняющиеся аспекты войны, Клаузевиц приходит к характеристике войны как хамелеона. Раскрывая образ, он говорит о войне как пульсации насилия.

Попытки объяснить методы предлагаемой теории приводят к третьему определению войны, как "удивительной троице (триединству)": "... война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется чистому рассудку".

Факторы, приводящие к нелинейности войны. Вслед за Клаузевицем можно говорить о трех широких категориях нелинейных факторов, приводящих к непредсказуемости войны: взаимодействие, трение и случай. Клаузевиц убедительно показывает, что в основе войны лежат взаимодействия между живыми субъектами. Непредсказуемость войны связывается с природой взаимодействий: между противниками, внутри войск и с контекстом.

Второй источник непредсказуемости войны связан с явлением, которое Клаузевиц назвал трением. Концепция трения это не только утверждение, что ход войны всегда отличается от плана, но сложнейшее ощущение, почему это происходит. Трение состоит из двух различных, но связанных между собой аспектов. Первый отражает процессы, являющиеся неотъемлемой частью физического мира и связанные с такими понятиями, как энтропия. Так как армия является открытой системой, то диссипация становится неотъемлемым ее свойством. Армия никогда не ведет себя так, как планировалось, что является неустранимой проблемой даже в мирное время. Другой аспект трения связывается с теорией информации и понятием "шума" в системе. Энтропия и информация имеют формальное сходство, так как оба являются количественной мерой вероятности поведения системы. Чем менее вероятным (непредсказуемым) является поведение системы, тем большее количество информации необходимо для описания ее поведения, и тем более "шумной" она является. Уменьшение количества информации, необходимой для описания поведения системы, то есть уменьшение шума в системе, означает ее превращение в более предсказуемую. Данные понятия могут служить метафорой для описания процесса управления на войне. Уже Клаузевиц интуитивно понимал, что приказы и планы являются сигналами, которые "зашумляются" (искажаются) в процессе своего распространения по военной иерархии, и данный фактор невозможно полностью исключить.

Следующим неотъемлемым атрибутом войны является случай. Клаузевиц настаивает на том, что война в своей чувствительности по отношению к случаю, сродни больше карточной игре, нежели какой-либо другой человеческой деятельности. Случай также оказывается связанным с трением и туманом войны, когда незначительные и незаметные события могут усиливаться и приводить к непропорциональным результатам. Хотя Клаузевиц нигде не дает определения случая, ряд исследователей выделяют три различных типа случаев. Первый связан с огромным числом случайных событий на войне, для анализа которых широко используется математический аппарат, позволяющий строить стохастические модели боевых операций. Второй тип связан с распространением микропричин на макроуровень, когда события, неподдающиеся учету, рассматриваются как случайные. Он тесно связан с трением, вместе с которым создает неизбежную неразбериху войны. Третий тип случая является результатом теоретических ограничений, которые неизбежно накладывают шоры на восприятие реальности, в том числе и войну.

Большое число параметров, случайных факторов различной природы, которые должен учитывать командующий, превращают принятие решения в предельно сложную задачу, требующую развития интуиции. Такое понимание и требование не есть что-то экстраординарное для историков и прочих исследователей гуманитарных дисциплин. Однако для представителей точных наук, специалистов, получивших техническое образование, включая офицеров, оно является во многом непривычным.

Теория САС и континуум войны. Война соответствует практически любой интерпретации термина "сложность", а армия представляется в виде иерархии сложных распределенных адаптивных систем, которая вступает в противоборство с противником. Война демонстрирует непредсказуемое поведение, нелинейную динамику и способность адаптироваться к изменениям, как в самой системе, так и в окружающей среде, в том числе и на основе процессов самоорганизации. Имеется ряд причин, почему рассмотрение войны в качестве САС, вновь стало актуальным. В первую очередь, это связано с возросшей сложностью современных конфликтов. Кроме того, в настоящее время появилась теоретическая база в виде науки сложности, позволяющая разрабатывать проблему сложности войны.

Непредсказуемость войны требует отказаться от некорректных терминов, таких как "предсказуемое будущее", и обеспечивает точку конвергенции между теорией САС и боевым опытом. Как ветераны войны, так и теоретики сложности предупреждают, что в мире сложных адаптивных игроков внезапность является нормой. Адаптивная природа противника требует просчета множества сценариев реагирования на складывающуюся ситуацию и готовности к стремительному переходу от одного сценария к другому. Способность демонстрировать такое поведение становится ключом к победе в 21 веке.

В четвертой главе рассматриваются императивы новой эпохи и процесс трансформации военной сферы. Проводятся исследования моделей конфликтов, в том числе нелинейных, исследуются перспективы теории сетцентричных войн и операций.

1. Императивы новой эпохи и модели конфликтов в формирующейся среде безопасности

Военная организация и среда безопасности 21 века. Решения, связанные с вызовами глобализации, лежат, в первую очередь, в политической, социальной и экономической сферах. Тем не менее, меняя среду безопасности, глобализация вынуждает сформулировать новые требования к военной организации государства. В новых условиях определяющими становятся следующие характеристики военной активности: многомерные военные операции и кампании становятся скорее нормой, нежели абберацией; как сами субъекты, так и взаимодействия могут иметь глобальный или локальный характер, быть симметричными или асимметричными, государственными или негосударственными; и взаимодействия невозможно разделить и классифицировать, с четким выделением политической, военной, социальной или экономической составляющей.

Традиционная линейная модель конфликта. Линейное мышление Холодной войны, особенно в США, имело тенденцию делить конфликты на две категории "большая война" и "операции, иные, чем война". Дихотомия выстраивалась на предположении, что малые угрозы могут быть преодолены малыми военными усилиями и с использованием того же инструментария, что используется при разрешении крупных конфликтов. В рамках традиционной модели войны была разработана соответствующая правовая база, имелись четкие и понятные временные диапазоны перехода взаимоотношений между государствами из состояния мира к войне, подкрепленные процедурами международного права, которые соблюдались, в той или иной степени, всеми участниками конфликта. В истории можно найти многочисленные исключения, однако модель позволяла определить границы дозволенного, дать оценку сторонам конфликтам, войне и наступившему миру.

Нелинейная модель конфликта. Хотя традиционный подход к войне продолжает доминировать, конфликты в 21 веке весьма условно соотносятся с правовым полем линейной модели. Значительное число конфликтов не заканчивается подписанием мира, и они продолжают тлеть в состоянии "ни войны, ни мира" или "замороженного конфликта". Выделение каких-либо этапов конфликта и тем более переходов между ними является проблематичным. Объективной необходимостью является разработка новой - нелинейной модели конфликта, в которой вместо дискретного множества состояний предполагается континуум соперничества и конфликта. Переход от мира к кризису или от кризиса к войне не только не является четким, но представляет собой отдельную нишу "переходного состояния" и "серой зоны", обладающую собственной логикой.

В рамках новой модели операции постконфликтной стабилизации превращаются в ряд циклов, завершение которых можно определить достаточно условно и, чаще всего, только ретроспективно. Метафорой кризиса и конфликта становится спираль взаимодействий с циклами, изменяющимися как по амплитуде, так и по шагу, в соответствии с масштабом, скоростью и природой взаимодействий. Новая модель подводит к выводу о природе и источниках сложности современной войны. Она оказывается связанной с взаимодействиями, которые фокусируются больше на человеческом измерении конфликта, целостны и охватывают всю нацию.

2. Трансформация военной сферы

Трансформация военной сферы и революция в военном деле. Объективность процессов глобализации не оставляет другой альтернативы императиву трансформации военной сферы, которая не есть результат теоретических исследований, но жесткое требование времени. Прежде

чем инициировать трансформацию военной сферы необходимо четко представлять и понимать, какие она преследует цели и что намерена получить в качестве результата. Трансформация оказывается сложным процессом, во многих своих аспектах опирающимся на культуру народа, его видение войны и мира. Необходимость трансформации вызвана резким изменением путей, при помощи которых ведутся войны, то есть революцией в военном деле (РВД). Использование концептуального базиса РВД позволяет учесть уроки предыдущих революций и облегчает понимание того, как могут развиваться и внедряться новые теории войны. Кроме того, появляется возможность понять действительно ли "революционные" новые концепции, или речь должна идти о количественных, но не качественных изменениях.

Проведенное в работе исследование позволяет сделать два вывода. Во-первых, наличие новых военных технологий, является недостаточным, чтобы можно было говорить о РВД. До тех пор, пока новые технологические возможности не получают свое отражение в доктрине и военной организации государства, они практически бесполезны. Во-вторых, любая успешная РВД должна выходить за пределы тактического уровня и иметь операционную и стратегическую размерности.

Трансформация и новые теории и концепции войны. Трансформация военной сферы становится новым источником власти, опирающимся на сетевое мышление и поведение. В 20 веке военное мышление было ориентировано на оценку боевых возможностей войсковых соединений на основе мощи боевых единиц и платформ в нее входящих. В 21 веке происходит постепенный сдвиг, когда решающим становится способность как отдельной боевой единицы, так войскового соединения в целом работать в сети и демонстрировать сетевое поведение. Трансформация военной сферы требует разработки новых, - сетевых теорий и концепций войны. Они не дают исчерпывающего ответа на все вызовы эпохи, но обеспечивают концептуальный базис для оценки проблем НБ в терминах Сети и теории САС.

3. Теория и принципы сетецентричных войн и операций

Рассматривая теорию войны, необходимо рассуждать в терминах рабочей гипотезы, основных принципов, соотношений и связей, которые могут быть проверены на практике. Теория сетецентричных войн исходит из того, что в настоящее время происходят фундаментальные сдвиги в источниках власти, отражающие переход от индустриальной эпохи к информационной, сравнимые с переходом от аграрного общества к индустриальному. Признавая, что война по своей природе остается неизменной, СЦВ дает свое видение войны, объясняет, каким образом формируется и применяется военная сила в информационную эпоху. Теория СЦВ является нарождающейся теорией войны, так как определяет: новые источники военной мощи, связанные с информацией; как новые источники соотносятся друг с другом и с традиционными составляющими военной мощи; каким образом новые источники используются совместно с другими составляющими военной мощи; как новые источники военной мощи связаны с политическими целями. Рабочей гипотезой СЦВ является утверждение, что вооруженные силы, в которых реализовано сетевое обеспечение для всех организационных форм и процессов, - сетевые силы, - имеют превосходство над традиционными силами. Теория СЦВ дополняет метрики индустриальной эпохи новыми, позволяющие оценить способность обеспечить информационное превосходство и конвертировать его в военное, а затем и политическое преимущество.

Принципы и руководящие правила сетецентричных войн. Формулируемые ниже четыре основных принципа, а также руководящие правила образуют ядро теории СЦВ. К принципам СЦВ относят следующие утверждения: робастные сетевые силы улучшают обмен и совместное использование информации; обмен и совместное использование информации повышает качество информации и улучшает обмен ситуационной осведомленностью; обмен ситуационной осведомленностью делает возможным взаимодействие и координацию, самосинхронизацию, а также повышает устойчивость и скорость командования;

Руководящие правила определяют, каким образом формируются и действуют сетевые силы: сражайся для достижения информационного превосходства; обеспечь обмен осведомленностью; обеспечь скорость командования и принятия решений; обеспечь самосинхронизацию; формируй рассредоточенные силы; обеспечь демассификацию; обеспечь глубокий сенсорный доступ; обеспечь сжатие операций и уровней войны; контролируй начальные условия на широком диапазоне изменений.

Сетецентричные войны и домены войны. В 1999-2000 годы Пентагоном была разработана модель, в которой процесс принятия решений описывался в терминах трех доменов: физического, информационного и когнитивного. По мере развития модель приобрела статус концептуального базиса, внутри которого оцениваются не только процесс выработки и принятия решений, но и боевые действия, военные операции и континуум войны в целом. Дальнейшее развитие базиса позволило применить его к рассмотрению системы НБ, действиям правительства и общества в целом. Следствием стало расширение базиса. В частности, был выделен отражающий соответствующие процессы социальный домен. Таким образом, рассмотрение теории СЦВ происходит в рамках концептуального базиса, включающего четыре пересекающихся и накладывающихся друг на друга доменов, - физического, информационного, когнитивного и социального.

Физический домен. Охватывая сушу, море, воздух, космос и время, представляет собой традиционный домен войны, в котором располагаются платформы, коммуникационные сети, оперируют вооруженные силы и пр. Исторически оценка боевой мощи вооруженных сил производится на основе физического домена, а метрики, позволяющие ее проводить, хорошо разработаны. В физический домен оказываются включенными не только действия вооруженных сил, но и действия, происходящие на других аренах, которые могут быть, например, политическими или экономическими по своей природе.

Информационный домен. Домен, в котором протекают информационные процессы. Включает методы и средства, посредством которых создается, представляется, обрабатывается и передается информация. К нему же относятся средства сбора, сопоставления и контекстуализации данных для получения всего спектра продуктов, формируемых разведкой. Домен охватывает также все методы и средства передачи решений, планов и приказов, которые транслируют активность когнитивного домена в физические действия.

Когнитивный домен. Домен, в котором рассматриваются мыслительные процессы и нематериальные активы командования, - проблемы морали и боевого духа, уровень боевой подготовки, боевой опыт вооруженных сил и т. д. В когнитивный домен транслируются и получают свое отображение процессы восприятия и осмысления ситуации. Здесь происходит оценка альтернатив и принимаются решения. К когнитивному домену относятся также концепции и доктрины, стратегия и тактика вооруженных сил. Процессы когнитивного домена могут быть разделены на два больших класса, а сам домен представлен в качестве двух под-доменов. Первый охватывает процессы, протекающие в области сознательного (рациональный под-домен), второй - подсознательного (под-домен верований).

Социальный домен. Рассматривает процессы, касающиеся социальных аспектов и отношений. Социальный домен тесно связан с культурой, религиозной системой общества и накладывается на информационный и когнитивный домены. И, если когнитивная активность по своей природе является индивидуальной и протекает внутри личности, то обмен ситуационной осведомленностью, формирование осмысления и принятие решения являются социо-когнитивной активностью, протекающей на границе социального и когнитивного доменов.

Пересечения доменов формирует важные динамические области. Критически важная для проведения успешных операций способность вооруженных сил действовать быстро и точно обеспечивается на пересечении информационного и физического доменов. Обмен ситуационной осведомленностью обеспечиваются на пересечении информационного и когнитивного доменов. На пересечении физического и когнитивного доменов обеспечивается сжатие времени и сжатые операции, когда тактика получает возможность производить операционные и даже стратегические эффекты. Область теории СЦВ находится в центре, где пересекаются все четыре домена.

Оценки сетецентричных войн и операций. Внедряя принципы СЦВ, необходимо понимать, что новые теории не должны рассматриваться как панацея от всех проблем на поле боя. Военное противоборство это процесс, и противник непрерывно адаптируется к новым инновациям для получения преимущества. В новых условиях преимущество получает не тот, кто в состоянии внедрить принципы СЦВ, а кто сделает это наиболее эффективным образом. Критика теории СЦВ и сетецентричных операций, прозвучавшая в адрес первой генерации разработок, касалась, в первую очередь, перекоса в сторону технологий. Авторы критики вполне справедливо замечали, что в центре войны по-прежнему остается человек, его воля и "война не "сетевцентрична". Она или "человеко-центрична", или у нее нет вообще какого-либо центра".

Перспективы теории сетецентричных войн и операций. Внедрение принципов теории СЦВ в военную сферу является объективным процессом, который будет только ускоряться. Страны, запаздывающие с инициированием трансформации военной сферы, имеют шанс безнадежно отстать. Первая генерация разработок, опирающаяся на теорию СЦВ, стремилась свести к минимуму фактор человека, который максимально выключался из цепи управления. Однако она достаточно быстро вступила в конфликт с природой войны и человека. Иллюзия возможности применения линейных процессов к нелинейным проблемам, создаваемая новыми технологическими возможностями, оказалась недолговечной, но помогла инициировать процесс адаптации теории СЦВ. Теория СЦВ и сетецентричные операции не могут рассматриваться в качестве конечной цели, но представляют собой инструмент, ценность которого связана с возможностью обеспечить достижение стратегического, операционного или тактического преимущества в информационную эпоху.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты диссертационной работы отражены в следующих основных монографиях, брошюрах и публикациях:

Монографии, книги:

Арзуманян Р. В. *Третья стратегия противовеса: реакция Пентагона на новые угрозы.* М.: АНО ЦСОиП, 2017. – 192 с. (- Новая стратегия, 6). (12 а. л.)

Арзуманян Р. В. *Стратегический анализ и инструменты стратегии.* Ер. : НОФ "Нораванк," Ереван, 2016. - 328 с. (21 а. л.)

Арзуманян Р. В., Гриняев С. Н., Акопян А. А., Хлюстов М. В. *Информационная война в Сирии. Анализ, оценки, тенденции/-* М.: АНО ЦСОиП, 2016. - 248 с. (2 а. л.)

Арзуманян Р. В. *Центры власти в 21 веке. Взаимоотношения между политическим и религиозным на современном этапе.* М.: АНО ЦСОиП, 2015. – 136 с. (- Новая стратегия, 5). (6 а. л.)

Арзуманян Р. В. *Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий.* Под общ. ред.: **А. Б. Михайловского.** М.: АНО ЦСОиП, 2015. – 315 с. (- Новая стратегия, 4). (20 а. л.)

Арзуманян Р. В., Гриняев С. Н., Карп Е. И. *Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции.* Под общ. ред.: **А. Б. Михайловского.** М.: АНО ЦСОиП, 2014. - 135 с. (- Новая стратегия, 1). (2 а. л.)

Арзуманян Р. В. *Сложное мышление и Сеть: Парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века.* – Ер.: НОФ "Нораванк," 2011. – 350 с. (37 а. л.)

Публикации в рецензируемых изданиях ВАК Республики Армения:

Арзуманян Р. В. "Инструменты принуждающей мощи в системе национальной безопасности США, "Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов: междисциплинарные аспекты/Материалы международного научного форума, Российско-Армянский Университет, Ереван, 2016, С. 167-174 (0.5 а. л.).

Арзуманян Р. В. "Религия в операционной среде иррегулярных войн," НОФ "Нораванк," 21 век, № 3, 2015, С. 28-39. (1. 0 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Политическая теология и взаимоотношения между политическим и религиозным в среде безопасности 21 века," *Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов: междисциплинарные аспекты / Материалы международного научного форума,* Российско-Армянский Университет, Ереван, 2015, С. 288-393 (0.5 а. л.).

Арзуманян Р. В. "Неформальные механизмы в системе принятия военно-политических решений. Опыт США," НОФ "Нораванк", 21 век, № 2, 2015, с. 32-52. (1. 0 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Стратегическое наследие Фрица Кремера," НОФ "Нораванк", 21 век, № 3, 2014, С. 36-49. (0.6 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Применение мультимасштабного анализа сложных систем для оценки вооруженных сил и операционной среды," НОФ "Нораванк", 21 век, № 5, 2012. С. 5-26. (1. 1 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Геостратегические и военно-стратегические приоритеты США," НОФ "Нораванк", 21 век, № 3, 2012. С. 5-24. (1 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Среда безопасности XXI века и контуры внешнеполитической доктрины США," НОФ "Нораванк", 21 век, № 4, 2011. – С. 100-121 (1 а. л.)

- Арзуманян Р. В.** "Сложное мышление и наука сложности," НОФ "Нораванк", 21 век, № 4 2010. С. 12-38. (1. 4 а. л.)
- Арзуманян Р. В.** "Концепция операций базирующихся на достижении эффектов: эволюция и основные понятия," НОФ "Нораванк", 21 век, № 1, 2010. С. 71-116. (2. 4 а. л.)
- Արզումանյան Հ. Վ.** "Հայկական պետականությունը և ինքնիշխանության խաղերի," "Նորավանք" գիտակրթական հիմնադրամ, 21-րդ դար, № 2, 2009, էջ. 3-25 (1. 0 а. л.)
- Արզումանյան Հ. Վ.** "Ցանցակենտրոն պատերազմների գործողությունների տեսությունը և սկզբունքները," "Նորավանք" գիտակրթական հիմնադրամ, 21-րդ դար, № 2, 2008, էջ. 20-90 (3. 2 а. л.)
- Արզումանյան Հ. Վ.** "Հայաստանի ռազմական ոլորտի փոխակերպումը և նոր դարաշրջանի հրամայականները," "Նորավանք" գիտակրթական հիմնադրամ, 21-րդ դար, № 1, 2008, էջ. 27-78 (2.1 а. л.)
- Արզումանյան Հ. Վ.** "Ռազմավարության ռազմական ասպեկտները," "Նորավանք" գիտակրթական հիմնադրամ, 21-րդ դար, № 1, 2007. С. 19-57. (4. 0 а. л.)
- Арзуманян Р. В.** "Ռազմական մշակույթ և ռազմավարություն," "Նորավանք" գիտակրթական հիմնադրամ, 21-րդ դար, № 4, 2006. С. 3-52. (3. 9а. л.)

Публикации в рецензируемых изданиях ВАК РФ:

- Арзуманян Р. В.** "Поддержка оппозиционных политических движений и прочие элементы принуждающей мощи в системе национальной безопасности США," Теории и технологии революций в XX-XXI вв.: материалы IV Международной научной конференции; сб. ст. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 26 мая 2017 г.). Ч. 1. Ответственный редактор – доктор политических наук, профессор А. А. Вилков. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2017. – 132 с. С. 8-13.
- Арзуманян Р. В., Арзуманян А. Р.** "Невоенные аспекты стратегии национальной безопасности Китая," *Стратегическая стабильность, журнал секции "Инженерные проблемы стабильности и конверсии" Российской инженерной академии и Центра проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук РФ*, Vol. 3 (80), 2017, С. 66-77. (1. 4 а. л.)
- Арзуманян Р. В.** "Инструменты принуждающей мощи в системе национальной безопасности США," *Стратегическая стабильность, журнал секции "Инженерные проблемы стабильности и конверсии" Российской инженерной академии и Центра проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук РФ*, Vol. 1 (78), 2017. С. 54-68.
- Арзуманян Р. В.** "Взаимоотношения между политическим и религиозным в среде безопасности 21 века," *Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики: материалы VIII Международной научной конференции; сб. ст.* Под ред.: **А. А. Корнилова и др.** Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. – 311 с. С. 32-38. (0.8 а. л.)
- Арзуманян Р. В.** "О концептуальном базисе среды безопасности 21 века," *Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики: материалы VII Международной научной конференции; сб. ст.* Под ред.: **А. А. Корнилова и др.** Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. – 212 с. С. 61-65. (0.7 а. л.)
- Арзуманян Р. В., Гриняев С. Н.** "Наследие Фрица Кремера," *Стратегическая стабильность, журнал секции "Инженерные проблемы стабильности и конверсии" Российской инженерной академии и Центра проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук РФ*, Vol. 2 (67), 2014, С. 42-47. (0.6 а. л.)
- Арзуманян Р. В., Гриняев С. Н.** "Неформальные механизмы в системе принятия военно-политических решений в сфере национальной безопасности США," *Вестник Академии военных наук РФ*- № 1, 2014, С. 110-114. (0.6 а. л.)
- Арзуманян Р. В., Гриняев С. Н., Шевченко А. В.** "Применение мультимасштабного анализа сложных систем при сетевых взаимодействиях," *Государственная служба*, № 5(79), Сентябрь-Октябрь, 2012. С. 62-66. (0.9 а. л.)

Арзуманян Р. В., Гриняев С. Н. "Новые приоритеты США в сфере военной и информационной безопасности в новом стратегическом руководстве Пентагона," *Вестник Академии военных наук РФ*, № 2, 2012. С. 112-115. (0.45 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Новое в военном искусстве," *Информационные войны*, №4, 2011. С. 22-29. (0.9 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Сетевое противоборство - новая парадигма вооруженной борьбы," *Вестник Академии военных наук РФ*, № 3, 2011. С. 64-71. (0.9 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Сетевое противоборство и парадигма безопасности XXI века," *Стратегическая стабильность, журнал секции "Инженерные проблемы стабильности и конверсии" Российской инженерной академии и Центра проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук РФ*, №2, 2011. С. 36-43. (0.9 а. л.)

Арзуманян Р. В. "Сетевое противоборство как новая парадигма военного искусства XXI века," *Интеллектуальные системы в производстве*, № 2, 2011. С. 301-311. (0.9 а. л.)

Публикации в изданиях, входящих в БД Scopus и сборниках международных конференций Европы:

Arzumanian H. V. "Models of conflicts and new paradigm for the 21st century security environment," *Russian Sociological Review*, vol. 14, No. 4, 2015, pp. 120-139. (0.8 а. л.)

Arzumanian H. V. "Armenian Armed Forces Transformation," in *Harnessing Regional Stability in the South Caucasus: The Role and Prospects of Defence Institution Building in the Current Strategic Context*, **Frederic Labarre, Ernst M. Felberbauer (Eds.)** 15th Workshop of the Study Group "Regional Stability in the South Caucasus," jointly with the Working Group "Security Sector Reform", National Defence Academy and Bureau for Security Policy at the Austrian Ministry of Defence in cooperation with PfP Consortium of Defence Academies and Security Studies Institutes, Vienna, 2017, pp. 113-124. (0.8 а. л.)

Arzumanian H. V. "An Argument to Revised the Principles Governing the Nagorno-Karabakh Conflict Resolution," in *Apprehending Shifts in Status over Time: The Quest for Strategic Patience in the South Caucasus*, **Frederic Labarre, Ernst M. Felberbauer (Eds.)** 11th Workshop of the Study Group "Regional Stability in the South Caucasus," National Defence Academy and Bureau for Security Policy at the Austrian Ministry of Defence in cooperation with PfP Consortium of Defence Academies and Security Studies Institutes, Vienna, 2015, pp. 97-105. (0.8 а. л.)

Arzumanian H. V. "The Implementation of Functional Models of Decentralized National Security System in the South Caucasus," in *From Self-Defence to Regional Disarmament: Reducing Tensions and Stabilising the South Caucasus*, **Frederic Labarre, Ernst M. Felberbauer (Eds.)** 9th Workshop of the Study Group "Regional Stability in the South Caucasus," National Defence Academy and Bureau for Security Policy at the Austrian Ministry of Defence in cooperation with PfP Consortium of Defence Academies and Security Studies Institutes, Vienna, October 2014, pp. 65-70. (0.7 а. л.)

Arzumanian H. V. "Armenian statehood and sovereignty games," in *What Kind of Sovereignty? Examining Alternative Governance Models in the South Caucasus*, **Frederic Labarre, Ernst M. Felberbauer (Eds.)** 8th Workshop of the Study Group "Regional Stability in the South Caucasus," National Defence Academy and Bureau for Security Policy at the Austrian Ministry of Defence in cooperation with PfP Consortium of Defence Academies and Security Studies Institutes, Vienna, January 2014, pp. 133-148. (1.0 а. л.)

Arzumanian H. V. "Challenges facing the Armenian statehood in the turbulent security environment of the 21st century," *Pan-Armenian Conference of Scientists in Politology and International Relations*, Yerevan, Armenia, 19-20 November, 2012, Conference Proceedings, Yerevan, Armenia: Ministry of Diaspora, Zangak-97, 2014, pp. 103-109. (0.7 а. л.)

ՔԱՂԱՔԱԳԻՏԱԿԱՆ-ԱՍՏՎԱԾԱԲԱՆԱԿԱՆ ՏԵՂԱԾԱՐԺԻ ՀԱՐԱՑՈՒՅՑԸ ԱԶԳԱՅԻՆ

ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԵՉ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հետազոտողների մեծ մասը վերջին տասնամյակները բնութագրում են որպես խորը և արագ փոփոխությունների ժամանակաշրջան: Տեղի ունեցող որակական փոփոխությունների հիմքում ընկած են տեխնոլոգիական նորարարություններից ավելի խորը գործընթացներ: Փոփոխություններն ազդել են թե՛ անհատի, և թե՛ ընտանիքի, պետության, համաշխարհային քաղաքական համակարգի ձևավորման հիմքում ընկած աշխարհայեցային և իմաստարար փաթեթներ: Վերջին եզրակացության արդարացիություն ակներև է անվտանգության միջավայրում առկա գործընթացների օրինակով, երբ գոյություն ունեցող հարացույցներն ի գործու չեղան կանխատեսել վերջին տասնամյակների ընթացքում տեղի ունեցող տեղաշարժերը:

Գիտվող անընդունակությունն ունի խորքային բնույթ և կապված է մոդեռնի և պոստմոդեռնի ժամանակաշրջանների սահմանափակումների և հետաշխարհիկ ժամանակաշրջան թևակոխելու հետ: Տեղի է ունենում զգալի չափով ռազմաքաղաքական գործընթացներով սկզբնավորված կրոնականի հանդիսավոր և հակասական վերադարձը հանրային կյանք, մտածողություն և մշակույթ: Որպես հետևանք՝ քաղաքական և ռազմական մտքի ակտիվ շրջանառության մեջ վերադառնում է մոդեռնի և պոստմոդեռնի ժամանակաշրջաններում ճնշված կրոնական և փիլիսոփայական գիտելիքների մի շերտ: Գալիք ժամանակաշրջանի վերահաս մարտահրավերներին դիմակայելու համար քաղաքական տեսությունը և ազգային անվտանգության տեսությունը պետք է իրենց դիսկուրսի մեջ վերադարձնեն կրոնն ու աստվածաբանությունը՝ ընդդիմանալով աշխարհիկի և կրոնականի միջև համընդհանուր ընդունելություն գտած տարանջատման մեկնաբանությանը և առաջադրելով արդի քաղաքական փորձառության բնույթին առնչվող հիմնարար խնդիրներ:

Գիտական խնդիր է ծագում, թե ինչպես կարող է վերադարձվել կրոնականը՝ կրկին հայտնաբերելով քաղաքականի, քաղաքականության տեսության և ազգային անվտանգության ոլորտներում: Ո՞ր աշխարհայեցային, փիլիսոփայական և գիտական դիրքերից, ո՞ր հարացույցի շրջանակում պետք է ընթանա տեղի ունեցող փոփոխությունների և տեղաշարժերի իմաստավորումը: Աճող հարացուցային ճգնաժամը պահանջում է անցնել նոր հարացույցի, որի կատեգորիալ տարածությունը պետք է բավականին լայն լինի՝ անվտանգության միջավայրում և համաշխարհային քաղաքական համակարգում դիտվող երևույթների և գործընթացների մեծ մասն ընդգրկելու համար: Որպես այս մարտահրավերին արձագանք՝ հետաքրքիր է բարդ մտածողության, քաղաքական աստվածաբանության, բարդության փիլիսոփայության և բարդության գիտության, համակարգայնության և Ցանցի համադրումն ապագձայնության հարացույցի զարգացման արգասիք հարացույցի շրջանակում:

Նոր հարացույցը հրաժարվում է քաղաքական և կրոնական գործընթացներն առանձնաբար դիտելուց՝ հաշվի առնելով անվտանգության միջավայրի և համաշխարհային քաղաքական համակարգի թե՛ գծային ու կանոնավոր, և թե՛ ապագձային և անկանոն հայեցակետերն իրենց զարգացման մեջ: Կատեգորիալ տարածությունը և նոր հարացույցի շարունակականությունը եռաչափ է և ձևավորվում է "գձայնություն-ապագձայնություն", "կանոնավորություն-անկանոնություն" և "աշխարհիկություն-կրոնականություն" հասկացությունների երեք զույգերի միջոցով: Կրոնականը կառուցվածքապես վերադառնում է թե՛ ավանդական համաշխարհային կրոնների ինստիտուտների, թե՛ անկանոն կրոնական կառույցների ձևով: Նոր հարթությունը գործառությապես ի հայտ է գալիս որպես իշխանության, հաստատությունների և դերակատարների հատկանիշներից և հատկություններից մեկը, որի անտեսմամբ հնարավոր չէ հասկանալ գործընթացների դինամիկան և անվտանգության միջավայրում դերակատարների և ինստիտուտների վարքագիծը:

Նոր հարացույցի շրջանակում կատարվում է ոչ թե արդի իրականության ժխտում, այլ եվրոպացու և եվրոպական հասարակության տեսության և գիտակցության մեջ խզումների հաղթահարում: Նոր հարացույցը պետք է օժանդակի անվտանգության միջավայրի և համաշխարհային քաղաքական համակարգի աճող բարդության ըմբռնմանը՝ վկայակոչելով

մարդկային գիտակցության համար ավանդական կրոնական աշխարհայացքն ու փիլիսոփայությունը: Այն քաղաքականության աշխարհի և անվտանգության միջավայրի աճող բարդության հանդեպ արձագանք է ոչ միայն ավելի մշակված հասկացության-կատեգորիալ վերլուծական գործեղարանի կիրառության, այլև ժամանակի ոգուն համապատասխանող աշխարհի զարգացող բազմաչափ ամբողջական պատկերի բաղադրման և ձևավորման միջոցով: Ատենախոսության մեջ մշակվող հարացույցը և վերջինիս՝ բարդ մտածողության, քաղաքական աստվածաբանության, փիլիսոփայության, ինչպես նաև համակարգային գիտությունների և ցանցակենտրոնության տեսությունների, մեթոդների և հայեցակարգերի սկզբունքների վրա հենվող հասկացության ապարատը ձևավորում են տեսաբանական և մեթոդաբանական հիմքը, որը թույլ է տալիս հաջողությամբ նկարագրել սոցիալական և ռազմաքաղաքական համակարգերում դինամիկական հավասարակշռության մեջ և քառսի պռնկին գտնվող գործընթացները:

Քաղաքական և կրոնական ոլորտների դինամիկական բաղադրումը նոր հարացույցի շրջանակում աշխարհիկ հասարակություններում գիտական աշխարհի ճանաչողության և կրոնի հանդեպ տիրապետող տեսանկյունից բավական ծայրահեղ կոդիփի: Սակայն այն հնարավոր և իրագործելի է ատենախոսության մեջ մշակվող միջգիտակարգային համաներառական մոտեցման, քաղաքական աստվածաբանության, փիլիսոփայության և բարդության գիտության շրջանակում: Ակներևաբար անհրաժեշտ է վերականգնել մոդեռնի/արդիականության և պոստմոդեռնի/հետարդիականության խզած կրոնականի, փիլիսոփայականի և քաղաքականի փաթերների, հասկացությունների, իմաստների և նշանակությունների սեմանտիկ/իմաստաբանական ցանցի ամբողջականությունը: Արդյունքն ակնկալում է գալիք հետաշխարհիկ ժամանակաշրջանի միասնական հոգևոր, մշակութային և ինտելեկտուալ համատեքստի ձևավորումը:

Հետազոտության օբյեկտը ազգային անվտանգության (ԱԱ) տեսությունն է, որն օգտագործվում է որակապես փոփոխվող անվտանգության միջավայրը ուսումնասիրելու համար:

Հետազոտության սուբյեկտը անվտանգության միջավայրում որակական փոփոխությունների հետ կապված հարացուցային տեղաշարժ է, որը պահանջում է վերանայել քաղաքական և կրոնական հասկացությունների միջև փոխհարաբերությունները և մշակել նոր հարացույց, որը կհիմնվի քաղաքական աստվածաբանության, բարդ մտածողության, բարդության փիլիսոփայության, բարդ հարմարվողական համակարգերի (ԲՀՀ) տեսություն, կոնֆլիկտների գիտական և տեսական մոդելների, ինչպես նաև ռազմական ոլորտի վերափոխման, հարմարվողականության գործընթացներում և ազգային անվտանգության համակարգերում ցանցակենտրոն պատերազմների տեսության ու հասկացությունների ուսումնասիրության վրա:

Ուսումնասիրության նպատակն է որակապես փոփոխվող անվտանգության միջավայրի ուսումնասիրության համար տեսական դրույթները, ինչպես նաև հայեցակարգային-կատեգորիկ ապարատ և նոր հարացուցային տարածք ձևավորել է, ինչը թույլ կտա առաջարկություններ մշակել պետության ԱԱ համակարգերի արդյունավետության բարձրացման համար:

Տեսական և մեթոդական հիմք. ԱԱ տեսության մշակման ընթացքում սույն ատենախոսությունը կիրառում է միջառարկայական հայեցակարգային հիմքերը, հայեցակարգային-կատեգորիկ ապարատն ու քաղաքական աստվածաբանության սկզբունքները, բարդ մտածողությունը, բարդության փիլիսոփայությունը, բարդության գիտությունը, համակարգային գիտության գիտական և տեսական մոդելներ, ինչպես նաև ԲՀՀ տեսության մեթոդները և ցանցակենտրոն պատերազմների տեսությունը:

Սույն ատենախոսության անձնական գիտական ներդրումը և նորությունը կայանում է՝

- նոր հարացույցի շրջանակներում անվտանգության կազմավորվող միջավայրում քաղաքական և կրոնական հասկացությունների միջև փոխհարաբերություններում կրոնականը իշխանության բնույթի, պետական և քաղաքական գործընթացների բնույթի հայեցակարգային վերլուծությունների շրջանակ վերադարձնելու պահանջի կրիտիկական կարևորության տեսական հիմնավորման մեջ, ինչը ընդարձակում է հարացույցի ոչ գծայնությունը,
- քաղաքական աստվածաբանության հայեցակարգային-կատեգորիկ ապարատի էվոլյուցիայի և զարգացման մեթոդական հիմքերի ու հիմնական փուլերի ուսումնասիրության, ինչպես նաև քաղաքական աստվածաբանության հիմնական դրույթների, սկզբունքների, մեթոդների և սահմանափակումների ուսումնասիրության մեջ
- ԱԱ տեսության շրջանակում անվտանգության կազմավորվող միջավայրում քաղաքական սուբյեկտների և օբյեկտների **ձևավորման** հիմնական սկզբունքների, ինչպես նաև հայեցակարգային-կատեգորիկ ապարատների և նոր հարացույցի մշակման մեջ,
- ԱԱ տեսության շրջանակներում անվտանգության ձևավորվող միջավայրում ընթացող գործընթացների վերլուծության համար նոր հարացույցի շրջանակներում բարդ մտածողության, քաղաքական աստվածաբանության, բարդության փիլիսոփայության և բարդության գիտության, ԲՀՀ տեսության, ցանցակենտրոն տեսության հասկացությունների գաղափարական ու կատեգորիկ ապարատների, օրենքների, սկզբունքների և մեթոդական հիմքերի կիրառելիության տեսական հիմնավորման մեջ:

Առաջին գլխում մշակվում է նոր՝ ապագայինից զարգացող հարացույցը, որի հիմնարար սկզբունքներից մեկը պետք է լինի քաղաքական և կրոնական ոլորտների դինամիկական բաղադրումը: Այդպիսի մոտեցման հնարավորությունը և իրավաչափությունը գնահատելու համար կատարվում է արևմտյան աստվածաբանական և քաղաքագիտական դպրոցների, մասնավորապես՝ քաղաքական աստվածաբանության շրջանակում ձեռք բերված արդյունքների քննություն: Քաղաքական աստվածաբանությունը ստիպում է դեմ գնալ համընդհանուր կերպով ընդունելի դարձած աշխարհիկի և աստվածաբանականի տարանջատման մեկնաբանությանը՝ մարտահրավեր նետելով ոչ միայն իրավական և պետական կառույցների ճարտարապետությանը, այլև ձևավորելով անհատի, իշխանության, պետության և քաղաքականի ու կրոնականի ոլորտների միջև կառուցվածքային կապերի և փոխհարաբերությունների վերանայման խնդիր:

Նոր հարացույցը հրաժարվում է քաղաքական և կրոնական գործընթացների անջատ քննությունից և հաշվի է առնում անվտանգության միջավայրի թե՛ գծային և կանոնավոր, և թե՛ ապագծային և անկանոն հայեցակետերը: Հարացուցային տեղաշարժը ծավալվում է ոչ միայն "գծայնությունը-ապագծայնություն" հասկացությունների զույգով սահմանվող չափայնության, այլև "կանոնավորություն-անկանոնություն" և "աշխարհիկություն-կրոնականություն" զույգերի շրջանակում, որի շնորհիվ ստեղծվում է նոր հարացույցի եռաչափ կատեգորիալ տարածություն և դասակարգման համակարգ: Նոր հարացույցը նպատակադրված է ստանձնել անվտանգության միջավայրի աճող բարդության ըմբռնումը ոչ միայն ավելի մշակված հասկացությամբ-կատեգորիալ գործեղարանի կիրառման, այլև միջգիտակարգային համապարփակ համակարգային մոտեցման շրջանակում ամբողջական պատկերի համադրման և ձևավորման միջոցով:

Երկրորդ գլխում տրվում են բարդ մտածողության և բարդության գիտության փիլիսոփայական հիմնավորումները: Ենթադրությունը, թե օբյեկտիվ և սոցիալական իրականությունները կարող են նկարագրվել բարդ մտածողության և բարդության գիտության շրջանակում, հանգեցնում է բարդության վրա հիմնված փիլիսոփայական դիրքորոշման և

Էպիստեմոլոգիայի/գիտաբանության բազմակարծությանը, որը բացառում է ճանաչողության համապարփակ մեթոդի գոյության հնարավորությունը: Բարդ մտածողության և բարդության գիտության լայն հենքի մեջ են ներառվում տարբեր տեսանկյուններ և մոտեցումներ, որոնք թույլ են տալիս խոսել Էվոյուցիոն փիլիսոփայության մասին, որի շրջանակում ճանաչողության տարբեր մեթոդները "մրցակցային դիմակայության" մեջ են հայտնվում՝ ուսումնասիրվող երևույթի կամ համակարգի առավել ադեկվատ պատկերացում և ճշգրիտ բացատրություն առաջարկելու համար: Բարդության գիտության շրջանակում համակարգերի ընդհանուր տեսության գլխավոր սկզբունքների և օրենքների կիրառման հնարավորության հիմնավորումը թույլ է տալիս օգտագործել համակարգային հետազոտությունների բնագավառում ավելի վաղ ստացած արդյունքները: Սոցիալական համակարգերն ամբողջապես և մասնավորապես՝ անվտանգության միջավայրը քննելու համար առաջարկվում է օգտագործել ապագծայնության հարացույցի զարգացման արգասիք նոր հարացույցը և բարդ ադապտիվ համակարգերի տեսությունը:

Երրորդ գլխում բարդ մտածողության սկզբունքների, համակարգերի ընդհանուր տեսության և բարդ ադապտիվ համակարգերի տեսության հիման վրա քննվում են գծային և ապագծային հարացույցների կայացման և զարգացման հիմնական փուլերը, ինչպես նաև համաշխարհայնացման գործընթացները և ձևավորվող անվտանգության միջավայրի հիմնական ուրվագծերը: Ապագծայնության հարացույցի հիմնարար դրույթների ձևակերպումը թույլ է տալիս անցնել միջազգային հարաբերությունների, ռազմական ոլորտի և պատերազմի ֆենոմենի քննությանը՝ բարդ ադապտիվ համակարգերի տեսության մեթոդաբանության հիման վրա: Արևմուտքում պատերազմի մասին ապագծային տեսակետի զարգացումը սերտորեն կապված է ռազմական ոլորտում ապագծայնության խորհրդանիշ Կլաուզևիցի անվան հետ: Պատերազմի ապագծային բնույթի ըմբռնումը պատերազմի տեսությանն սկզբունքների վերաբերման ուղղությամբ կարևոր քայլ է, որն անհրաժեշտ է դարձնում սույն աշխատության հաջորդ գլուխներում քննվող պատերազմի նոր տեսությունների և հայեցակարգերի մշակումը:

Չորրորդ գլխում ապագծայնության հարացույցի և բարդ ադապտիվ համակարգերի տեսության հիմնարար դրույթների հիման վրա քննվում են անվտանգության միջավայրում ընթացող որակական տեղաշարժերը, որոնք անհրաժեշտ են դարձնում հակամարտության ապագծային մոդելների և ռազմական ոլորտի վերափոխման հայեցակարգի մշակումները: Բախվելով անվտանգության միջավայրի մարտահրավերների և սպառնալիքների բազմությանը՝ պետությունների ռազմական կազմակերպումը հարկադրված է ադապտացվել: Արդյունքում ռազմական մտածողության, կազմակերպման, հայեցակարգի, ռազմավարության և մարտավարության մեջ տեղի են ունենում հեղափոխական փոփոխություններ, որոնք մասնավորապես արտացոլվում են ցանցակենտրոն պատերազմների տեսության շրջանակում: Աշխատությունում համառոտակի քննվում են ցանցակենտրոն պատերազմների տեսության ի հայտ գալուն հանգեցնող աշխարհառազմավարական ու ռազմական համատեքստերը և իշխանության ու հասարակության կառուցվածքում հայտածվող փոփոխությունները: Վերլուծվում են 21-րդ դարի պատերազմի դոմենների, հայեցակարգային հիմքը, ցանցակենտրոն պատերազմների տեսության սկզբունքներն ու ղեկավարող կանոնները, ինչպես նաև ցանցակենտրոն գործողությունների հայեցակարգային հիմքը: Ցանցակենտրոն պատերազմների տեսությունը և ցանցակենտրոն գործողությունները չեն կարող վերջնանպատակ դիտվել. դրանք գործիք են, որի կարևորությունն ու արժեքը կապված է ձևավորվող անվտանգության միջավայրում հակառակորդի նկատմամբ առավելություն ձեռք բերելու կարողության հետ:

THE PARADIGM OF POLITICAL-THEOLOGICAL SHIFT IN NATIONAL SECURITY THEORY DEVELOPMENT

SUMMARY

Most of the researchers characterize the last decades as an age of deep and rapid changes, rooted in processes deeper than technological innovations. The changes affected the world viewing and sense-making patterns, which shape the basis of what forms of both individuals and institutions like family, state, world political system. The proof of this assumption can be accentuated at the stage emerging security environment, when the existing paradigms turned irrelevant (or failed) to predict the shifts of the last decades.

The observed inadequacy is deep in nature and is connected with the restrictions of Modernity and Postmodernity and the shifting to the post-secular age. A triumphal and inconsistent return of the religious dimension into public life, thinking and culture takes place initiated mainly by military-political processes. As a result, layers of religious and philosophical knowledge, which were suppressed during the ages of Modernity and Postmodernity, return to active use in political and military thinking. In order to cope with the challenges of the emerging age, the political theory and the theory of National Security have to bring religion and theology back to the discourse, compelling to go against the conventional interpretation of the division between the secular and the religious and addressing the fundamental problems concerning the nature of the modern political experience.

A scientific problem arises regarding the ways for the religious dimension to be brought back and to manifest again in the politics, political theory and the theory of national security. On which worldviews within which paradigm should the emerging changes and shifts be understood? The paradigm crisis demands a shift to a new paradigm, the categorical space of which must be wide enough to capture most of the observed phenomena and processes in the security environment and the World political system. As a response to the challenge, the synthesis of complex thinking, political theology, the philosophy of complexity and complexity science, systems theory and the Net within a new paradigm, which is developing towards a paradigm of nonlinearity, is of interest.

The new paradigm refuses to consider political and religious processes separately, taking into account both linear and regular, and nonlinear and irregular aspects of the security environment and World political system. The categorical space and the continuum of the new paradigm are three-dimensional formed by three couples of concepts: "linearity and nonlinearity", "regularity and irregularity" and "secularity and religiosity". The structural-religious returns in the form of both traditional religious institutions and irregular religious structures. Functionally the new dimension manifests as one of the attributes and features of power, without which to comprehend the dynamics of processes and the behavior of actors and institutions in the security environment becomes impossible.

Within the new paradigm, not a denial of the actual reality, but the overcoming of the gaps in the theory and consciousness of Europeans and the European society takes place. The new paradigm inexorably challenges the increasing complexity of the security environment and the world political system, appealing to the religiosity and philosophy that is traditional for human consciousness. It is a response to the increasing complexity of politics and security environment not only through application of more developed conceptual and categorical analytical apparatus, but also by the synthesis and formation of the developing multidimensional holistic worldview.

The paradigms and the conceptual framework of those rely on the principles of complex thinking, political theology, philosophy of complexity, complexity science, and the theory, methods and concepts of the systems sciences and a network-centric approach. In addition, the concepts developed in the dissertation form a theoretical and methodological basis that allows to provide a holistic view of the World political system and the emerging security environment, which allows to describe the processes in social and military-political systems that are in the state of dynamic balance or on the edge of chaos.

The dynamic conjugation of the political and religious spheres within a new paradigm looks rather radical, if proceeded from the traditional view on the scientific knowledge and religion in secular societies. However, it is conceivable within the interdisciplinary holistic approach developed in the dissertation, political theology, and philosophy of complexity and complexity science. There is an imperative to restore the integrity of a semantic network of patterns, concepts, meanings and values of the religious, philosophical and political, which were broken off by the Modernity and Postmodernity. As a result, a unified spiritual, cultural and intellectual context of the future post-secular age has to be formed.

The object of the study is the theory of national security, used to study a qualitatively changing security environment.

The subject of the study is a paradigm shift caused by qualitative changes in the security environment, requiring a review of the relationship between political and religious concepts and the development of a new paradigm that is an extension of non-linear principles of political theology, complex thinking, philosophy of complexity, the methodology of complexity science, the theory of complex adaptive systems (CAS), scientific and theoretical models of conflicts, as well as theories and concepts of network-centric wars in the processes of transformation of the military sphere and adaptation and national security systems.

The aim of the study is to develop the provisions of the NS theory, as well as the conceptual-categorical apparatus and the space of a new paradigm for the study of a qualitatively changing security environment, which allows developing recommendations for improving the effectiveness of the state's NB systems.

Theoretical and methodological base. During the development of the theory of NS, the dissertation uses interdisciplinary conceptual foundations, a conceptual-categorical apparatus and the principles of political theology, complex thinking, philosophy of complexity, science of complexity, scientific and theoretical models of system sciences, as well as methods of the SAS theory and the theory of network-centric wars.

Individual contribution to science and novelty are reflected:

- In the theoretical justification of the critical importance of the relationship between the concepts of political and religious in the emerging security environment, requiring the religious to return to the conceptual analysis of the nature of power, the state and political processes within the framework of a new paradigm that expands the non-linear;
- in the study of the methodological foundations and the main stages of evolution and development of the conceptual-categorical apparatus of political theology, as well as the main provisions, principles, methods and limitations of political theology;
- in the development of the basic principles of formalizing political subjects and objects, as well as the conceptual and categorical apparatus and the space of a new paradigm for developing the theory of security in the emerging security environment;
- in the theoretical justification of the applicability within the framework of the new paradigm of the conceptual and categorical apparatus, laws, principles and methodological foundations of complex thinking, political theology, philosophy and science of complexity, CAS theory, as well as the theory and concepts of network-centricity to the analysis of processes in the emerging security environment within the framework of theory NS.

In chapter one a new paradigm, as the development of a nonlinear one, is developed. One of the basic principles of the new paradigm is the dynamic conjugacy of the political and religious spheres. For the assessment of the plausibility and legitimacy of such an approach, an analysis of the results received within the western theological and political schools, particularly within political theology, is carried out. Political theology compels to go against the interpretation of division between secular and theological

sphere that has become generally accepted, thus challenging not only the architecture of legal and state institutions, but also formulating a problem of revision of structural ties and relationships between the individual, power, state and political and religious spheres.

The new paradigm refuses to consider political and religious processes separately, taking into account both linear and regular, and nonlinear and irregular aspects of the security environment. The paradigm shift is enveloped within not only a dimension set by the couple of the concepts "linearity and nonlinearity", but also "regularity and irregularity" and "secularity and religiosity". That forms a three-dimensional categorical space and the classification system of a new paradigm. The new paradigm is intended to cope with the increasing complexity of the security environment not only by the use of a more developed conceptual and categorical apparatus, but also the synthesis and formation of a holistic view within an interdisciplinary whole-system approach.

In chapter two the philosophical framework of complex thinking and the complexity science are given. The assumption that both objective and social reality can be described within complex thinking and the complexity science leads to the pluralism of the philosophical position and complexity based epistemology, which excludes the possibility of the existence of a universal method of obtaining knowledge.

The broad basis of complex thinking and the complexity science includes various projections, points of view and approaches, which allows to speak about evolutionary philosophy, within which various method of obtaining knowledge appear in a "competitive fight" for the most adequate representation and an explanation of the studied phenomena or system. The justification of the possibility of using the basic principles and laws of the general systems theory within complexity science allows to use results received earlier within general systems theory. For the analysis of the social systems, in general, and emerging security environments, in particular, it is suggested to use the new paradigm developed on the base of the paradigm of nonlinearity and the theory of complex adaptive systems.

In the third chapter addresses the main stages of formation and development of linear and nonlinear paradigms, as well as the processes of globalization and the main features of the emerging security environment predicated through the principles of complex thinking, the general systems theory and the complex adaptive systems theory. The formulation of the basic elements of the paradigm of nonlinearity allows to proceed to the consideration of the system of international relations, the military sphere and war on the basis of the methodology of the complex adaptive systems theory. The development of the nonlinear view on war in the West is closely connected with Clausewitz, who became the symbol of nonlinearity in the military sphere. The perception of war as a nonlinear phenomenon is an important step leading to the reevaluation of the principles of the war theory and the development of new ones, as considered in the following chapter.

In the fourth chapter addresses the shifts in security environment resulting in need of development of nonlinear models of the conflict and transformation of a military sphere, based on the paradigm of nonlinearity and the basic concepts of complex adaptive systems theory. The military establishments of states are compelled to adapt to the challenges and the threats of the security environment they face. The result are the revolutionary changes in military thinking, posture, doctrines, strategy and tactics, which are reflected, in particular, in the framework of the network-centric war theory.

The geostrategic and military contexts, the changes in the structure of power and society that lead to the emergence of the network-centric war theory are discussed. The conceptual basis of the domains of war, the principles and the basic rules of the network-centric war theory and the conceptual framework of the network-centric operations are considered. The network-centric war theory and network-centric operations cannot be considered an ultimate goal, but they represent a tool, the importance of which depends on the ability to provide advantage over the opponent in the emerging security environment.

